

Г. Ф. КОРЗУХИНА

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ОРУЖИЯ XI ВЕКА

В 1939 г. во время работ по исследованию остатков Десятинной церкви в Киеве Киевской археологической экспедицией под руководством М. К. Каргера было обнаружено одно исключительно интересное погребение. Скелет, лежавший в деревянном саркофаге, принадлежал, повидимому, одному из князей Рюрикова дома. На это указывало как место погребения (Десятинная церковь), так и находка при скелете меча. К сожалению, погребение оказалось слегка поврежденным при выборке местными жителями камня из фундаментов церкви. При этом были уничтожены правая рука и рукоять меча с частью клинка. Вдоль правой ноги скелета лежала только часть железного клинка длиной в 0.59 м с большим серебряным наконечником ножен. Кроме меча, при скелете были найдены литые серебряные накладки, пряжка и наконечник от ремней.¹ Все они украшены растительным орнаментом, а фон был, повидимому, заполнен чернью, сохранившейся только на наконечнике и пряжке; последние два предмета заканчиваются одинаковыми стилизованными звериными головками.

Наибольший интерес вызывает меч с наконечником ножен (рис. 1). Последний представляет собой массивный литой футляр, длиной 0.185 м. Вверху он украшен накладными валиками, сходящимися на середине под углом и заканчивающимися с каждой стороны чрезвычайно выразительной головой хищной птицы с изогнутым клювом и большим глазом. Под валиком гравированный несколько небрежно, угловатыми линиями, растительный узор. Низ наконечника украшен ажурной литой накладкой. Она представляет собой плетеный растительный мотив, одинаковый с обеих сторон. Составляющие его стебли и лепестки украшены чернью. В дополнение к накладке, на самом тулове наконечника выгравирован ооконтуривающий ее узор. Вся остальная поверхность наконечника совершенно гладкая, без каких-либо узоров.

Находки наконечников ножен хоть и не так часты, но все же не представляют собою чего-то необычайного. Однако если сравнить найденные до сих пор на территории России наконечники с киевским наконечником 1939 г., то сразу же бросится в глаза ряд особенностей, присущих только ему и не встречающихся ни в одном из известных доселе наконечников.

Первой особенностью наконечника 1939 г. безусловно является его величина — 0.185 м, в то время как обычно величина наконечника колеблется между 0.05 м и 0.09 м. Второй особенностью является разно-

¹ М. К. Каргер. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви. КСИИМК, IV, 1940, стр. 12—20, рис. 4—5.

образии технических приемов, примененных для его декорации. На гладкое литое тулово снизу напаяна ажурная накладка с чернью; кроме того, часть орнамента выполнена гравировкой. Обычно же наконечник отливается вместе с украшающим его орнаментом. К этому следует добавить, что чернь и серебро не так часто встречаются в качестве материалов для наконечников как в древней Руси, так и за ее пределами. Обращает на себя внимание и выразительная птичья голова, венчающая наконечник. Обычно же птичья голова (или распластанная голова животного), завершающая наконечник, грубо обобранна, превращена в птицеподобный крючок. Таким образом, наконечник 1939 г. стоит особняком от всех известных доселе изделий подобного рода и как всякий одиноко стоящий памятник вызывает к себе повышенный интерес.

На территории восточно-европейской равнины наконечников ножен найдено более двух десятков. Мы постарались с возможной полнотой собрать наконечники ножен, найденных в пределах России, а также тех стран, где они встречаются редко (Польша, Венгрия, Болгария).

В Прибалтике же и особенно в Швеции (включая о. Готланд) их так много, что мы ограничились только выборкой их типов.

На табл. I наконечники распределены по типам горизонтальными рядами. Вертикальные же ряды содержат изображения наконечников, найденных в пределах страны или района. Основное направление в расположении районов, поскольку его можно было выдержать, — с севера на юг, т. е. от Скандинавии до Херсонеса и Болгарии. В расположении же горизонтальных рядов выдержан по возможности хронологический принцип — сверху более ранние, чем ниже, тем позже. В хронологической классификации были частично использованы датировки Арне¹ и Нермана,² однако в их датировки нами внесены некоторые изменения и уточнения.

Большая часть наконечников принадлежит к числу случайных находок. Поэтому датировка их довольно трудна. Но несколько наконечников найдено на клинках мечей, датировка которых более или менее разработана.³ Мечи, найденные не случайно, а в комплексе, среди инвентаря погребения, дают еще больше данных для датировки. Но и в этих случаях встает вопрос: имеем ли мы право связывать общей датой меч и его ножны? На этот вопрос пока нельзя дать ни положительного, ни отрицательного ответа.

Существует мнение, что оружие, в частности меч, переходил из поколения в поколение, от отца к сыну и внуку и что поэтому меч, найденный в погребении, может быть гораздо старше всего остального инвентаря. Утверждение это для раннего периода истории древней Руси ни на чем не основано. Наоборот, можно привести доводы, убедительно опровергающие это утверждение. В курганах IX—X и даже XI вв. находят мечи, клинки которых согнуты пополам. Это обозначало, повидимому, что со смертью хозяина меч не должен больше служить никому, как

¹ T. J. Arne. Einige Schwert-Ortbänder aus der Wikingerzeit. *Opuscula archaeologica* Oskari Montelio septuagenario dicata, 1913, стр. 375—390, рис. 1—39.

² B. Nerman. Die Verbindung zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Стокгольм, 1929.

³ Отметим попутно, что наконечник отнюдь не являлся необходимой деталью ножен. Многие ножны, делавшиеся из дерева, кожи и ткани [ножны киевского меча (1939); ножны латвийского меча из м. Трейден (1896), см. R. Hausman. Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostsee Provinzen im letzten Jahrzehnt. Рига, 1908, стр. 24], не имели металлического наконечника. Так в погребении дружинника, вскрытом в Киеве в 1946 г. (во дворе д. № 4а по Б. Житомирской ул. во время работ Киевской археологической экспедиции под руководством М. К. Каргера) на клинке меча были следы дерева, но наконечника не оказалось.

не должны служить его конь и жена, сопровождавшие его также в могилу.

Переход меча из поколения в поколение с сохранением за мечом имени его первого хозяина (Борисов меч, Довмонтов меч) — обычай, возникший, повидимому, уже после принятия христианства, когда, как правило, меч не клали в могилу. Поэтому, в дальнейшем мы не будем учитывать этот ни на чем не основанный домысел, тем более, что в подавляющем большинстве случаев дата меча, найденного в комплексе, совпадает с датами всех остальных вещей.

Теоретически разница в дате между мечом и ножнами не должна быть очень большой и превышать два-три десятилетия. Поэтому при наших довольно грубых датировках столетиями и полустолетиями практически она почти не будет ощутимой; но все же во всех случаях совместной находки меча с наконечником надо быть осторожным с датировкой их общей датой.

Удалось установить восемь случаев находки наконечников на полностью сохранившихся мечах, из них шесть происходят из комплексов, а два — из случайных находок. Три меча из комплексов найдены на территории древней Руси: в южном Приладожье (табл. I, 19),¹ в кургане Гульбище, близ Чернигова (табл. I, 24)² и в одном из Шестовицких курганов (табл. I, 25).³ Три меча найдены за пределами древней Руси, два — в Венгрии (табл. I, 44, 45)⁴ и один в Польше (табл. I, 39).⁵

Все три русских меча, как и комплексы, в которых они найдены, могут быть датированы второй половиной X в. То же самое можно сказать и про два венгерских меча. Польский меч, повидимому, относится к значительно более позднему времени. Г. Ленчик относит его, может быть, к слишком позднему времени — к концу XII в.

Меч, случайно найденный в б. Краснянском у. Харьковской губ., может быть датирован второй половиной X в., скорее всего его концом.⁶ Наконечник, найденный на его клинке, по прибалтийским аналогиям может быть датирован рубежом X и XI вв.

Переходим к рассмотрению наконечников, изображенных на таблице I.

Наконечники, занимающие два верхних ряда, изготовлены в Швеции. Для наконечников с птицей (первый ряд) на о. Бьорко найдена даже глиняная литейная форма (табл. I, 2). В целом наконечники с птицей датируются второй половиной X в., но среди них есть несколько экземпляров с сильно схематизированным изображением птицы, которые нужно относить уже к началу XI в. (табл. I, 5—7, 12, 14). В первом же ряду помещен наконечник более ранний (около 900 г.) с орнаментом эпохи каролингов (найден в Швеции, Упланд), но он пока уникален (табл. I, 1). Наконечники второго ряда с изображениями переплетающихся чудовищ, так называемого «северного» или «Vorre- и Jellinge-стиля», датируются

¹ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18 СПб., 1895, стр. 60, рис. 18, с. Заозерье, курган № СХII-6.

² Д. Я. Самоковцов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1917, рис. 50. — Т. J. Arne. La Suède et l'Orient. Упсала, 1914, рис. 41.

³ Т. J. Arne. Skandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraina. Acta Archaeologica, т. II, вып. 3, Копенгаген — Стокгольм, 1931, рис. 1.

⁴ P. Paulsen. Wikingerfunde aus Ungarn. Archaeologia Hungarica, XII, Будапешт, 1933, табл. XII. — J. Hampe l. Ujabb tanulmányok a honfoglalasi kor emlékeiről. Будапешт, 1907, стр. 83.

⁵ Подхорце Злочевского р-на, погребение № 1. G. Leńczyk. Trzy miecze wikińskie w zbiorach Museum archeologii przedhistorycznej Polskiej Akademji Umiejętności w Krakowie. Księga Pamiątkowa, Познань, 1930, рис. 6е.

⁶ Альбом выставки XII AC, М., 1903, табл. IV, 8; Т. J. Arne. La Suède et l'Orient. Упсала, 1914, рис. 43.

Х, может быть началом XI вв. Отличительной чертой наконечников первых двух рядов, т. е. X в., является то, что они все без исключения прорезные, ажурные.

В Швеции и, в частности, на Готланде наконечников этого типа найдено очень много. В древней Руси они преобладают в северных районах — Южном Приладожье, в частности, в Старой Ладoge (табл. I, 7, 8, 19), Гнездове (табл. I, 9—11, 20), б. Владимирской губ. (табл. I, 12), Муроме (табл. I, 21) и далее вниз по Волге — в Билярске (табл. I, 23) и Даниловке, б. Саратовской губ. (табл. I, 22). В Среднем Поднепровье они встречаются реже — только четыре раза: в б. Киевской губ. (табл. I, 13) и Черниговской губ. (табл. I, 14, 24 25). Один такой наконечник найден в Херсонесе (табл. I, 26).

В третьем ряду помещены наконечники, украшенные «северным» орнаментом ирландского стиля. Они позже рассмотренных выше, датируются XI в. и отличаются от них тем, что перестали быть ажурными. Они широко распространены в Скандинавии, но совершенно не известны как в древней Руси, так и в других, соседних с ней, странах.

Три верхних ряда исчерпывают типы наконечников с северной орнаментацией.

Наконечники двух следующих рядов (четвертого и пятого) в литературе обычно рассматриваются вместе. К сожалению, за отсутствием некоторых изданий, не удалось полностью собрать изображения этих двух типов наконечников, что чрезвычайно затрудняет рассмотрение этих наиболее интересных для нас групп.

Наконечники четвертого ряда составляют особую группу, качественно отличную от трех предыдущих. Основная масса их найдена на о. Готланде и в Прибалтике (Латвия). Они не прорезные и вся поверхность их, как и у вышерассмотренных, покрыта орнаментом, но орнамент этот совсем иного характера. На смену ленточному плетению и переплетающимся чудовищам пришли растительный орнамент с трилистниками и сопоставленные птицы. Трилистники же заменили звериные головки на венчике наконечников, контур которых также несколько изменился. Эта перемена в орнаментике произошла, безусловно, не без влияния искусства, широко распространенного на громадной территории, лежащей к югу и юго-востоку от о. Готланда и Прибалтики, и обычно определяемого как «восточное». Проникновение отдельных элементов «восточного» искусства в искусство скандинавских стран известно по многочисленным памятникам уже в X в.: поясным накладкам, подвескам, и даже специфическим северным украшениям — овальным фибулам. Своеобразной лабораторией, в которой происходило органическое соединение отдельных черт стиля искусств, столь отличных друг от друга, был в X и XI вв. о. Готланд, а с XI в. (может быть, с конца X в.) ту же роль начинает играть Прибалтика, достигшая к этому времени большого совершенства в области художественной обработки металла. Взаимоотношения между о. Готландом и Прибалтикой в это время были чрезвычайно тесными. Поэтому понятно, что несколько близких друг другу наконечников нового типа найдены как на о. Готланде, так и в Прибалтике (табл. I, 30—34). Трудно сказать, где именно — в Прибалтике или на Готланде — они были изготовлены. Некоторые из них, кроме позолоты, декорированы так называемой «чернью», т. е. составом, в котором главной составной частью являлся свинец (Bleilegierung). Широкое применение черни в художественном ремесле о. Готланда, в частности на оружии, известно уже в X в. Известны латвийские наконечники с чернью XII в., но владели ли прибалтийские ремесленники техникой

составления черневой массы в XI в. — пока не установлено. Часть наконечников этого типа найдена на о. Эзель, принадлежавшем эстам. На основной, материковой части территории, занятой в то время эстами, не найдено ни одного наконечника, так же как и на территории близкой ей Финляндии.¹ Повидимому ни в Финляндии, ни в Эстонии они не были так широко распространены, как в Латвии. Может быть, находки наконечников на о. Эзель, при отсутствии их в Эстонии, служат указанием, что и в Латвии наконечники XI в. были привозными.

На территории древней Руси наконечников этого типа не найдено. Только в б. Купянском у. Харьковской губ. найден один такой наконечник вместе с чудесным мечом конца X в. Как рукоять меча, так и наконечник ножен, украшены чернью. Последний чрезвычайно близок наконечнику, найденному в Латвии (Кремон) (табл. I, рис. 34 и 35).

Исключительный интерес для нас представляет следующая, пятая группа. Как указано выше, некоторые исследователи объединяют наконечники этого типа с предыдущей группой. Однако у наконечников пятого ряда есть существенные отличия от наконечников предыдущего (четвертого) ряда и в форме и в орнаментации.

В смысле формы, точнее — контуров верхнего края, они ближе стоят к наконечникам первых трех групп. Бортики их, сходясь под углом, заканчиваются либо сильно стилизованной птичьей головой, либо распластанной головой животного. Однако они имеют несколько более грузную, по сравнению с вышеописанными наконечниками, форму и, как правило, значительно превосходят их размерами. Среди наконечников этого ряда — самый крупный из известных литых наконечников (0.12 м, Венгрия, табл. I, 44). По орнаментации наконечники отличаются от всех вышеописанных тем, что большая часть их поверхности гладкая, а орнаментированы только венчик и низ. Главное внимание уделяется именно орнаментации низа. Орнамент большей частью трилистник, делается вышуклым, возвышающимся над основной поверхностью наконечника. Получается впечатление, что на гладкий наконечник внизу надет маленький фигурный колпачок. Это особенно подчеркнуто на наконечнике из Люцинского могильника, где имитированы даже два штифтика, прикрепляющие колпачок к наконечнику (табл. I, 40). Повидимому, развитием этого декоративного приема является следующая группа наконечников, очень разнохарактерных по форме, стилю и технике выполнения. Эти маленькие наконечники представляют собою не что иное, как обособившиеся нижние части наконечников предыдущей группы. Разнохарактерность их, очевидно, объясняется тем, что каждый из них является продуктом местного художественного ремесла. Наконечники эти следует, повидимому, датировать как XI, так и XII в.

Возвратимся к группе крупных наконечников пятого ряда. Относительно даты их в литературе мнений не высказывалось. Два венгерских наконечника найдены с мечами второй половины X в. Думаю, что всю эту группу так и следует датировать — концом X — началом XI вв. Наконечники Польши и Восточной Пруссии сильно изменились, почти утратив орнаментацию. Повидимому, они наиболее молодые из этой группы и могут быть датированы концом XI — XII вв.

Следует отметить особенности в территориальном распределении находок наконечников этой группы. Ни в самой Швеции, ни на о. Готланде их не найдено. Северной границей их распространения являются Восточная Пруссия и Латвия, южной — Херсонес. К сожалению, при-

¹ P. Paulsen. Die Wikingerschwerter in Ungarn. Archaeologia Hungarica XII, Будапешт, 1933, стр. 40.

балтийские наконечники, как указано выше, нам полностью не известны, но есть указания, что особенно в Восточной Пруссии их много.¹ Один наконечник найден в Польше (табл. I, 39), два в Венгрии (табл. I, 44, 45) и два в Болгарии (табл. I, 46, 47). К востоку и юго-востоку от этой линии они найдены: один в Люцинском могильнике (табл. I, 40), один в Биллярске на Волге (табл. I, 41) и два близ Киева (табл. I, 42, 43). Наконец, самой южной точкой является Херсонес (табл. I, 48).

Район распространения их несколько иной, нежели в предыдущих группах. Он сильно сдвинулся на юг и юго-восток, охватив такие территории, на которых не найдено более ранних наконечников, типичных для северо-западных районов. Это заставляет подумать об их родине. Паульсен предполагал, что эти наконечники изготовлялись в Восточной Пруссии.² Однако он смешал в одну группу наконечники двух разных типов, чем запутал все свои доводы. Вполне возможно, что часть их действительно была изготовлена в Восточной Пруссии. Но наконечник, найденный в Болгарии, отмечен одной чрезвычайно интересной деталью. Внизу у него вместо обычного трилистника изображен один крупный сердцевидный лист, являющийся не чем иным как оттиском в литейной форме подвесной бляшки (в перевернутом виде). Такие подвесные бляшки во множестве находят в Венгрии, в инвентаре богатых погребений конца X в. Они являются специфической особенностью венгерского убора и характерны только для Венгрии. На наконечнике видно даже отпечатавшаяся в форме ушко бляшки. Эта деталь говорит о том, что болгарский наконечник мог быть изготовлен только где-то в районе Дуная, но никак не в Прибалтике. Существовали ли еще какие-либо центры, отливавшие наконечники для ножен, сказать трудно, так как пока данных для этого нет. Следует отметить только поразительное сходство обоих киевских наконечников (табл. I, 42—43) с наконечниками из Венгрии (табл. I, 44) и наконечником из Болгарии (табл. I, 46).

Последние две группы — седьмая и восьмая — в настоящее время для нас наименее интересны. В них представлены самые поздние типы наконечников XI—XII вв. Основной район их распространения, так же как и родина — Прибалтика. Встречаются они на о. Готланде и в Швеции. Наконечники предпоследнего ряда обычно очень тщательной работы: фон покрыт чернью, рисунок — позолотой. Наконечники нижнего ряда проще. И те и другие малы по размерам и развивают, иногда утрируя, профиль венчика с трилистниками, отмеченный для наконечников четвертого ряда. Повидимому, этот профиль имел в Швеции и Прибалтике непрерывающуюся традицию в течение XI и XII вв. В орнаментации обеих групп используется крест. Вне территории Прибалтики и ее островов эти типы наконечников встречаются редко.

Возвращаясь к интересующему нас киевскому наконечнику 1939 г., мы должны констатировать, что ни один из перечисленных типов наконечников не может быть полностью сопоставлен с ним. Наибольшую близость ему можно усмотреть в крупных гладких наконечниках пятой группы. Они так же, как и наконечник 1939 г., украшены накладками (ложными) в нижней части и слегка орнаментированы у венчика. Вся остальная, большая часть поверхности гладкая. Наконечники пятой группы довольно крупные, особенно некоторые из них, но они не достигают размеров киевского наконечника 1939 г. При меньшей величине они все же выглядят более грузными, чем киевский наконечник 1939 г.

¹ P. Paulsen, ук. соч., стр. 40; наконечники этого типа сосчитаны им совместно с наконечниками нашей четвертой группы.

² Там же, стр. 41, 42.

Указанные черты сходства между наконечником меча 1939 г. и наконечниками пятой группы конца X—начала XI в. помогают не столько выяснению даты наконечника 1939 г., сколько выяснению генезиса его орнаментации. К его датировке, а также к генезису его формы мы вернемся ниже.

Издавая сообщение о погребении дружинника, меч и ножны которого интересуют нас в настоящем очерке, М. К. Каргер не ставил себе целью детальное рассмотрение инвентаря погребения. Главной его задачей была датировка погребения, в связи с чем он занялся вопросами его атрибуции. Придя к выводу, что костяк принадлежит князю Ростиславу Мстиславичу, умершему в 1093 г., он останавливает свое внимание на чрезвычайно интересной черте погребений первых веков после введения христианства на Руси: «Находка подлинного погребения XI века с мечом в развалинах Десятинной церкви является новым веским подтверждением того, что не только в Новгородской земле, но и в самом Киеве христианские погребения в храмах сохраняли еще ряд пережитков старого курганного погребального обряда».¹

Датировка погребения XI в. не подлежит сомнению. Десятинная церковь, законченная постройкой в последние годы X в., была княжеской усыпальницей только в течение XI в.; уступив впоследствии эту роль Софийскому собору и княжеским монастырям.

Для уточнения даты погребения М. К. Каргер сопоставил летописные и другие сведения о захоронениях в Десятинной церкви с количеством саркофагов, в разное время обнаруженных в ней. Данные летописи и данные о количестве найденных в церкви погребений не сошлись. На территории развалин Десятинной церкви в разное время раскопано восемь саркофагов, а по летописям известно только о семи погребениях:

1. великой княгини Ольги, перенесенной сюда Владимиром с места ее первоначального погребения;

2. князя Владимира в мраморном саркофаге, 1015 г.

3. Анны, его жены, также в мраморном саркофаге, 1018 г.

4—5. Ярополка и Олега Святославичей, умерших в X в. язычниками и перенесенных в Десятинную церковь в 1044 г.;

6. Изяслава Ярославича (сына Ярослава Мудрого), в мраморном саркофаге, 1078 г.

7. Ростислава Мстиславича, 1093 г.

Из восьми погребений, найденных на территории Десятинной церкви, семь было совершено в каменных саркофагах и одно в деревянном.

Стараясь объяснить это расхождение между данными летописей и количеством фактически найденных погребений, М. К. Каргер исключил из восьми саркофагов один, на том основании, что он находился не внутри церкви, а вне ее. Этот саркофаг был найден Д. В. Милеевым около северной галереи церкви, примерно в 20—30 см от ее фундамента. Дальнейшее уточнение атрибуции погребения 1939 г. идет путем исключения женских погребений, погребений князей-язычников Ярополка и Олега, кости которых, перенесенные из курганов через много лет после их смерти, не могли лежать в анатомически правильном порядке и, наконец, князей Владимира и Изяслава Ярославича, похороненных в мраморных, а не в деревянном саркофаге. Таким образом, единственным кандидатом погребения, открытого в 1939 г., остался князь Ростислав Мстиславич, умерший в 1093 г.

¹ М. К. Каргер, ук. соч., стр. 20.

Следовательно, если погребение 1939 г. действительно принадлежало бы князю Ростиславу Мстиславичу, умершему в самые последние годы XI в., мы бы имели крайнюю верхнюю дату для меча и его наколеника. Однако правильность атрибуции вызывает ряд сомнений.

Исключая из числа семи каменных саркофагов один на том основании, что он стоит не под сводами церкви, М. К. Каргер аргументирует это тем, что летописи указывают во всех (точнее, в четырех) случаях на погребение внутри церкви (точнее, по обычному летописному выражению «в церкви святая Богородица», 1044 г., 1078 г. и 1093 г.) и что «вообще погребения князей около церкви, а не в ней самой, не известны».

Можно ли быть уверенным, что установка саркофага между столбами северной галереи рассматривалась летописью как погребение не в Десятинной церкви? Летописные выражения «положить у святого Спаса», «у святой Софии» и т. д. могли подразумевать захоронения как в здании, так и в ближайшем от нее расстоянии, на ее усадьбе.

Неверно утверждение М. К. Каргера, что погребения князей около церкви, а не в ней самой, не известны. Княжеские погребения в XI в. вне стен церкви производились. Так, в 1078 г. был убит князь Глеб Святославич «его же тело положено бысть Чернигове за Спасом».¹ Так же не в церкви, а около нее были первоначально похоронены князья Борис и Глеб в Вышгороде.²

Известны находки каменных (шиферных) саркофагов просто под открытым небом в районе церкви³ и на усадьбах монастырей.⁴

В 1885 г. в Чернигове, между Спасским и Борисоглебским соборами было найдено женское погребение. На погребенной были богатейшие золотые украшения конца XI—начала XII в.: золотые колты с перегородчатой эмалью, толстые серебряные цепи и другие украшения, изображения которых были опубликованы Н. П. Кондаковым.⁵

Нет сомнений в том, что и это погребение и шиферные саркофаги, находимые вне зданий, принадлежали членам большей, разветвленной семьи князей Рюриковичей. Найденный Д. В. Милеевым у северной галереи Десятинной церкви шиферный саркофаг, сверху донизу покрытый резьбой, также должен быть отнесен к княжеским, тем более, что внутри Десятинной церкви были найдены каменные саркофаги, лишенные резьбы и более простой конструкции (с плоской крышкой).

На основании имеющихся в настоящее время данных о погребениях первых поколений русских князей, принявших христианство, создается как раз обратное впечатление, а именно, что князья XI в. с большей охотой хоронили своих родичей не под сводами зданий, а либо под открытым небом, либо в открытых галереях вокруг церквей и только в XII в. прочно освоили аркосолы притворов и западных частей храмов (мраморные саркофаги Владимира и Анны в южной галерее Десятинной церкви, саркофаг Ярослава Мудрого в галерее Софийского собора и многие другие). Можно ли считать также установленным, что для князей Ярополка и Олега, кости которых, по словам летописи «выгребоша» из

¹ ПСРЛ, Лаврентьевская летопись под 1078 г.

² В. И. Л е с ю ч е в с к и й. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. СА, VIII, 1946, стр. 234—235.

³ Два саркофага и место от третьего были найдены в 1902 г. на усадьбе Десятинной церкви Д. В. Милеевым: С. В е л ь м и н. Археологические изыскания Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева. Военно-Исторический Вестник, 1910, № 7—8. Киев, стр. 19.

⁴ Саркофаг, найденный И. А. Хойновским на усадьбе Трубецкого в 1892 г. (И. А. Х о й н о в с к и й. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893, стр. 36—40).

⁵ Н. П. К о н д а к о в. Русские клады. СПб., 1896, табл. XIII.

мест их первоначального захоронения, были сделаны два отдельных, обычной величины каменных саркофага?

Можно ли быть также уверенными, что в летопись занесены все сведения о совершенных в Десятинной церкви захоронениях?

Следует также помнить, что в течение многих столетий Десятинная церковь подвергалась систематическому разграблению: население широко использовало ее строительные материалы, кирпич и камень, разобрав не только надземные ее части, но выбрав даже большую часть фундаментов. Не одно погребение, особенно если оно заключалось не в каменном саркофаге, а в деревянном истлевшем гробовище, могло быть уничтожено, не оставив по себе никакого следа в литературе. Не только деревянный, но целый мраморный саркофаг исчез из Десятинной церкви неизвестно куда: раскопками в различные годы обнаружено два мраморных саркофага, тогда как по летописи их было в церкви три.

Таким образом, ряд причин не дает возможности согласиться с ображениями М. К. Каргера. Погребение 1939 г. можно с уверенностью датировать XI в., но относить его именно к 1093 г. было бы опасно.

Отрицая правильность атрибуции, предложенной М. К. Каргером, мы лишаем себя точной крайней верхней даты интересующего нас погребения, а вместе с тем верхней даты его меча и ножен. Напоминаем, что крайняя нижняя дата наконечника определялась на рубеже X и XI вв.

Некоторые данные, позволяющие передвинуть погребение 1939 г. ближе к этой же дате, имеются и в самом погребении. Деревянный саркофаг, найденный в сильно разрушенном виде, своей конструкцией гораздо больше напоминает прямоугольные деревянные ящики-гробовища языческой поры, чем саркофаг. В таких гробовищах, представляющих собою упрощение сруба, были погребены в X в. дружинники, найденные здесь же, под Десятинной церковью, в 1937 и 1939 гг. В таком же гробовище, вставленном в сруб, был похоронен на Воляни ювелир в конце X в. Не следует ли княжеское погребение в Десятинной церкви из конца XI в. передвинуть ближе к началу XI в. или в первую его половину? Таким образом, и верхняя дата меча и его ножен передвинулась бы в первую половину XI в. и мы смогли бы датировать их не общей датой — XI в., а временем от конца X в. до середины XI в.

Правдоподобность этой датировки подтверждается одной очень интересной находкой.

В 1896 г. в м. Путель близ г. Трейден в Латвии, севернее Риги и недалеко от берега Рижского залива, участниками X Археологического съезда были произведены раскопки большого курганного могильника. Большая часть курганов содержала трупоположения, но встретилось и несколько курганов с сожжением. При погребенных лежали скелеты собак и лошадей. Большая часть курганов оказалась с очень богатым инвентарем, состоявшим из оружия и украшений. Здесь были мечи, копья, топоры, овальные скандинавские фибулы с цепями, ножи в футлярах, бронзовая чаша, янтарные бусы. Мечи и копья были украшены серебром (таушировка), два наконечника ножен — чернью. Много было найдено серебряных украшений — круглых подвесок, перстней, кольцевых фибул, украшенных серебром ременных накладок. В могильнике была также найдена одна куфическая монета X в. Насколько можно судить по этому перечню находок, раскопанный могильник может быть датирован X—XI вв. За XI в. говорят найденные два наконечника ножен с чернью (табл. I, 33, 54) и копья с серебряной таушировкой на втулках.

Особый интерес представляет для нас курган № 22 с сожжением, в котором были найдены копье, топор, бронзовые поясные накладки, кусок просверленного янтаря и, наконец, большой серебряный нако-

нечник со следами дерева и ткани от ножен и остатками клинка внутри¹ (рис. 2). Появление этого наконечника не прошло незамеченным. Руководивший раскопками в м. Путель рижский археолог Р. Хаусман старался найти что-нибудь похожее на него в коллекциях Московского исторического музея и Эрмитажа, но ни он, ни хранитель Эрмитажа Э. Ленц, к которому он обратился за помощью, не нашли ни одного наконечника, аналогичного ему. В течение сорока с лишним лет он оставался совершенно одиноким памятником и, упоминая о нем, Паульсен² и Арне³ писали, что не могут ничего сказать о его родине, колеблясь между Прибалтикой и южной Россией.

Наконечник, найденный в 1939 г. в Киеве, явился вторым памятником этого рода, ставшим первой и пока единственной аналогией Путельскому наконечнику. Между ними много общего, но есть и ряд существенных различий (рис. 1 и 2).

Чертой, роднящей их, являются, во-первых, их размеры, превратившие их в настоящие футляры, чехлы, охватывающие снизу значительную часть ножен. Киевский наконечник в длину имеет 0.185 м, а Путельский 0.222 м при одинаковой ширине.

Между ними много общего и в технике. Для выполнения их использовано несколько технических приемов, а не только литье, как у остальных наконечников. Отдельно отлито гладкое тулово наконечника, на него снизу напаян отдельно отлитый ажурный колшачок. Эти нижние ажурные футлярчики могли бы существовать и самостоятельно, как наконечники шестого ряда табл. I. Сами футлярчики имеют совершенно одинаковый рисунок плетения из ремней, завершающихся лепестками; только на киевском наконечнике он дополнительно украшен чернью. На обоих наконечниках выше накладок, уже на самом тулове, имеется дополнительный узор, также весьма близкого друг другу рисунка, но выполненного в разной технике: на Киевском он гравированный, на путельском — рельефный, повидимому, литой, отлитый вместе с наконечниками.⁴

У обоих по венчику идут накладные литые бортики, но орнамент под ними различен и по рисунку, и по технике. На Киевском он гравированный, на Путельском — литой. На Путельском он гораздо богаче, но сделан только с одной стороны. Это первое различие между наконечниками. Вторым является венчик, завершающийся у путельского наконечника драконьей головой, настолько стилизованной, что в ней с трудом можно различить животное. Напротив, птичья голова Киевского наконечника, также стилизованная, чрезвычайно проста, лаконична и выразительна. Бортик Путельского наконечника, идущий по венчику, шире Киевского и чрезвычайно дробно и мелочно орнаментирован.

В литературе по поводу Путельского наконечника обычно отмечается смешение в орнаментике черт «северного» и «восточного» искусств. Э. Ленц отмечал, что накладные части наконечника выполнены в духе «северной» орнаментики, а литые (или, как он считал, чеканные) в «восточной».⁵ Поэтому родину его искали между Латвией и Средним Поднепровьем, не склоняясь ни к одной из этих территорий. Действительно,

¹ R. Hausmann. Übersicht über die archäologische Forschung in Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnte. Riga, 1909, стр. 23—25, табл. II, 11. См. также заметку «Поездка в Трейден» в Известиях X AC в Риге в 1896 г., стр. 65.

² P. Paulsen, ук. соч., стр. 42.

³ T. Arne. Einige Schwert-Ortbänder. , стр. 389—390.

⁴ По словам Хаусмана и Арне, орнамент этот чеканный. Однако сомнительно, чтобы на отлитом узком наконечнике можно было бы чеканить что-нибудь изнутри. См.: R. Hausmann, ук. соч., стр. 24. — T. Arne, ук. соч., стр. 389—390.

⁵ Указанные работы Паульсена, Арне, Хаусмана.

Таблица I

ШВЕЦИЯ		ПРИБАЛТИКА	ПОЛЬША	БАСС. ЗАП. ДВИНЫ	ПРИЛАДОЖЬЕ	ВЕРХНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ	БАСС. ОКИ	ПОВОЛЖЬЕ	БАСС. ДОНА	СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ	ВЕНГРИЯ	БОЛГАРИЯ	ХЕРСОНЕС				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		I		
15	16	17	18			19	20	21	22	23	24	25	26		II		
27	28	29													III		
	30	31	32	33	34				35						IV		
			36	37	38	39	40		41	42	43	44	45	46	47	48	V
49	50	51								52	53						VI
			54	55	56	57	58			59							VII
	60	61								62							VIII

композиция с сопоставленными птицами хорошо известна в Киевской Руси в XII и XIII вв., но сухость всего орнамента, излишняя мелочность в разделке растительных побегов и туловищ птиц, непропорциональность нижней пальметки — тяжелой, стоящей на тонких, длинных и прямых

Рис. 1. Наконечник на клинке, найденном в княжеском погребении в Десятинной церкви в Киеве в 1939 г.

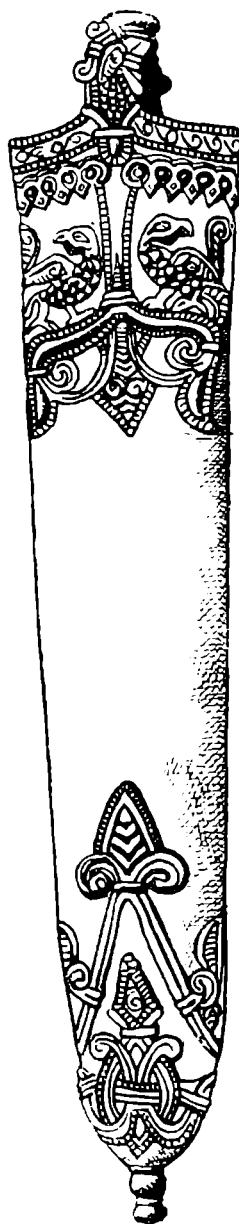

Рис. 2. Наконечник, найденный в погребении в имении Путель в Латвии в 1896 г.

ножках, — все это как-то не похоже на орнаментику, хорошо известную нам по памятникам Поднепровья. Эта сухость и мелочность близки дробной орнаментации венчика с головой дракона, а через него всей орнаментации «северного» стиля. Поэтому нам кажется, что каждый

из наконечников может считаться изготовленным там, где он найден: Киевский — в Среднем Поднепровье, а Путельский — в Латвии.

Путельский наконечник найден в могильнике, датирующемся концом X—XI в. Найден он в кургане с сожжением. Это может служить указанием на то, что датой его может быть либо рубеж X и XI веков, либо начало XI в., что еще раз подтверждает нашу датировку Киевского наконечника первой половиной XI в.

Но если находка второго, чрезвычайно близкого Киевскому, наконечника помогает в известном смысле определению его датировки, то она несколько не делает его более понятным в смысле генезиса его формы. Киевский наконечник остается таким же одиноким памятником в Поднепровье, как Путельский в Прибалтике. Оба наконечника говорят только о наличии культурных взаимоотношений между этими территориями.

Для выяснения генезиса формы Киевского наконечника 1939 г. приходится обратиться к форме клинка, вместе с которым он найден. Форма его оказалась не менее интересной, чем сам наконечник, что вызывает необходимость остановиться на описании форм некоторых клинков.

В летописи под 969 г. описывается, как в отсутствие Святослава на Киев напали печенеги. Благодаря хитрости Претича Киев удалось спасти. При заключении мира князь печенежский и Претич «подаста руку межю собою, и вьдаст Печенежский князь Претичю конь, саблю, стрелы; он же дасть ему броне, щит, меч».¹

В этом рассказе, как в капле воды, отражены два мира — мир кочевнических степей и культура молодого Киевского государства с ее новой знатью, недавно опоясавшейся мечом. Меч этот еще не свой, а франкский, и красивая легенда о дани, которую хазары, знавшие только саблю, якобы взяли на полянах — «от дыма меч», легенда, записанная через двести лет после описываемых событий, есть только горделивое желание подчеркнуть особую роль племени, ставшего центром вновь образующегося государства.

Завозный, франкский меч, конечно, не был гостем каждого дома, хотя бы и полянского. Нож, топор, копьё, лук и стрелы — вот обычное оружие рядового русского воина. На десятки топоров и копий больших могильников мечи встречаются единицами. Меч, найденный во время раскопок, часто является предметом особой гордости археолога. Мечу с его зачастую богато оформленной рукоятью уделяется незаслуженно много внимания и места на страницах отчетов, их издают и переиздают в фотографиях и рисунках, их классифицируют, подсчитывают, спорят об их датировках и пр.

Но за этим нарядным оружием к сожалению осталась почти незамеченной целая серия клинков, уступавшая мечам в изяществе, в величине и целом ряде других качеств, кроме одного — большого значения, которые эти клинки смогут приобрести, если на изучение их обратить серьезное внимание.

Чтобы быть точным, нужно сказать, что известное внимание этой группе клинков было уделено в зарубежной литературе. Начиная с конца XIX в. и по 30-е годы нашего столетия, некоторые из этих клинков неоднократно фигурировали на страницах работ, посвященных выяснению праистории мадьярского племени. Это работы Хампеля, Пошта,²

¹ ПСРЛ, Лаврентьевская летопись под 969 г.

² Béla Pósta. *Archaeologische Studien auf russischem Boden*. Будапешт—Лейпциг. 1905.

Э. Ленца,¹ Солтана Тота,² А. Захарова и В. Арндта.³ Авторы этих работ история культуры древней Руси интересовала, конечно, менее всего, и подбор материала был специфический, нужный им только для освещения интересующих их проблем.

Группа клинков, на которую мы хотим обратить внимание, не однородна. Полной характеристики ее и даже исчерпывающего учета клинков этого типа в настоящее время сделать невозможно, для этого необходим просмотр коллекций оружия многих музеев. Поэтому все, что нам удалось собрать, надо рассматривать как первую попытку ввести в оборот группу памятников, проливающих свет на один из самых темных периодов в истории культуры Киевской Руси — XI в.

Общие признаки, объединяющие клинки в одну группу, заключаются в следующем: клинки прямые или слабо изогнутые, однолезвийные с двулезвийным концом (от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ длины клинка); рукоять изогнута в сторону лезвия; ширина клинка у рукояти — 0.03 м. Это тип так называемой «хазарской» сабли, известный нам по целому ряду экземпляров северокавказских и салтовских сабель VIII—IX вв. (табл. II—III). Клинки этих сабель так мало изогнуты, что иногда их просто считают прямыми. Прямой считал В. А. Бабенко⁴ Салтовскую саблю из катакомбы № 1 (табл. III, 2), а П. С. Уварова изданную ею саблю из Кубанского могильника называет «длинный прямой меч»⁵ (табл. II, 1а). Мечом до сих пор считается и знаменитый Перещепинский «меч»; однако он имеет легкую кривизну, а кроме того, он однолезвийный, что заставляет именовать его «Перещепинской саблей» (табл. III, 1). Перещепинская сабля, повидимому, один из самых ранних экземпляров сабель этого типа, найденных в Восточной Европе. К этой ранней группе относится знаменитая Загребинская сабля (б. Вятская губ.; табл. III, 4а, 4б) и остатки Воробьевской (б. Воронежская губ.; табл. III, 3).

Гораздо многочисленнее группы ранних сабель VII—IX вв., группа клинков X—XI вв. Целая серия их найдена на Северном Кавказе (табл. II), а также в Поволжье, в б. Курской, б. Тамбовской, б. Владимирской губерниях и Прикамье (табл. III).⁶ Изображенные на рисунках сабли разновременны и собраны не с исчерпывающей полнотой. В литературе часто встречаются указания на находки сабель, изображения которых не приведены, поэтому без осмотра этих находок в музеях сказать о них что-либо трудно. Так, очень возможно, что к этой же группе принадлежат клинки, найденные в б. Харьковской и б. Полтавской губ. и других местах.

В Государственном Эрмитаже хранятся «два прямых клинка об одном лезвии, цельный 86 сант. длины и $3\frac{3}{4}$ сант. ширины у плеча, найдены

¹ E. Lenz. Eine Säbelstudie. Zeitschrift für historische Waffenkunde, т. IV, вып. 6. Берлин, 1914.

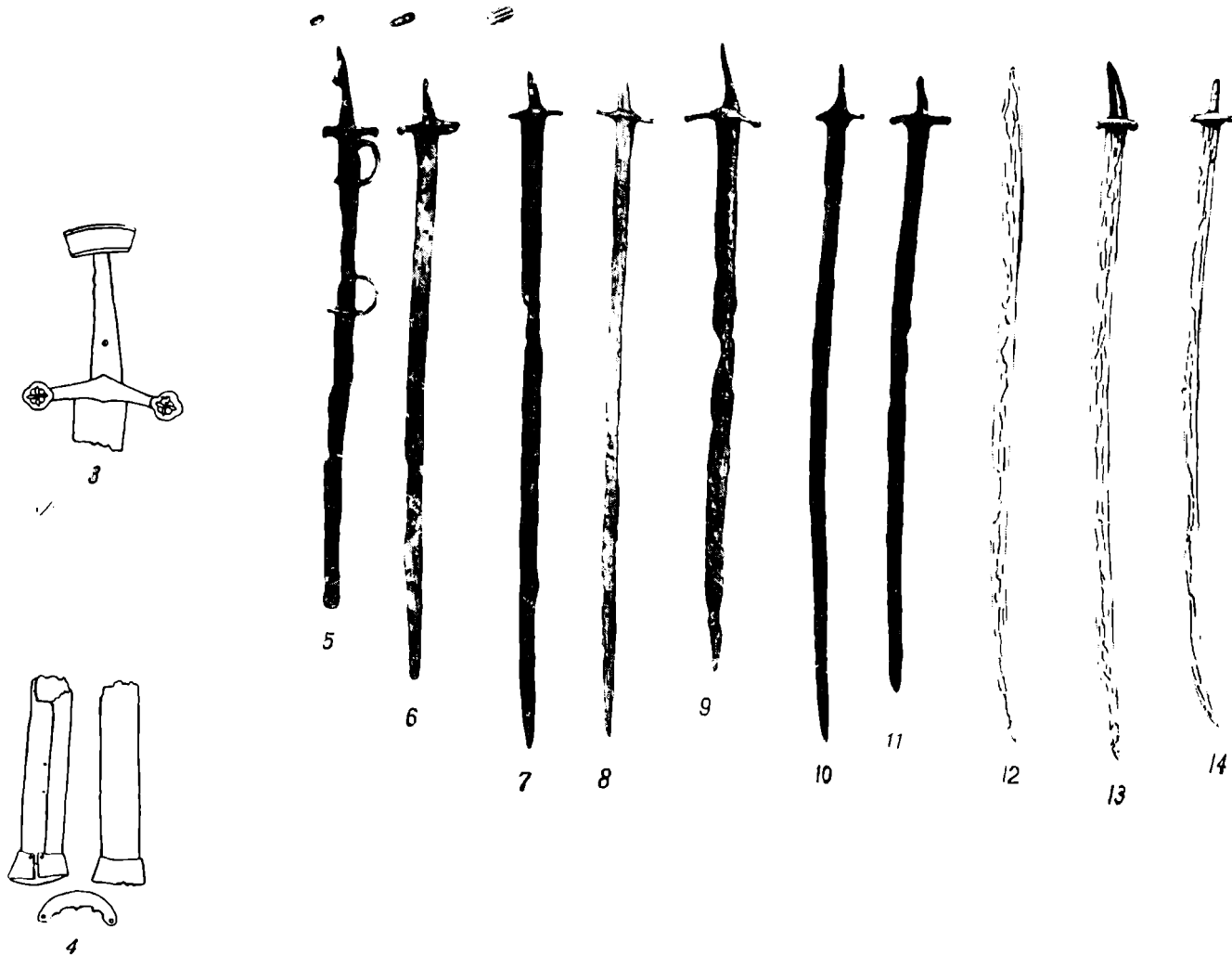
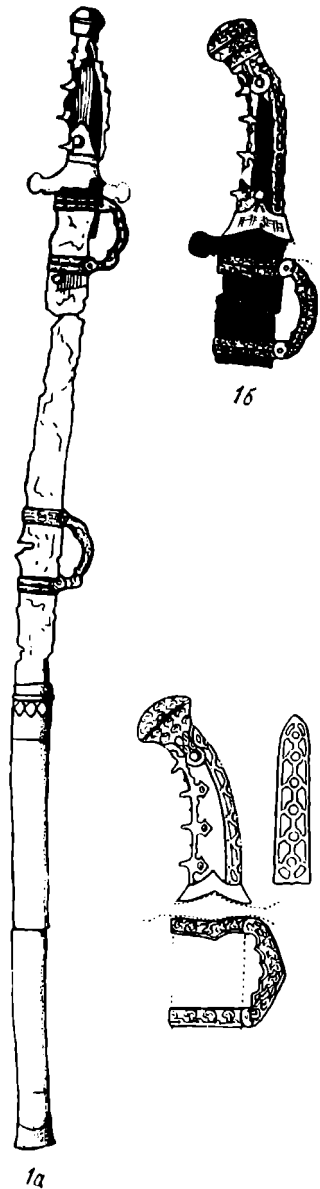
² Z. Tóth. Attila's Schwert. Studie über die Herkunft des sogenannten Säbels Karls des Grossen in Wien. Будапешт, 1930.

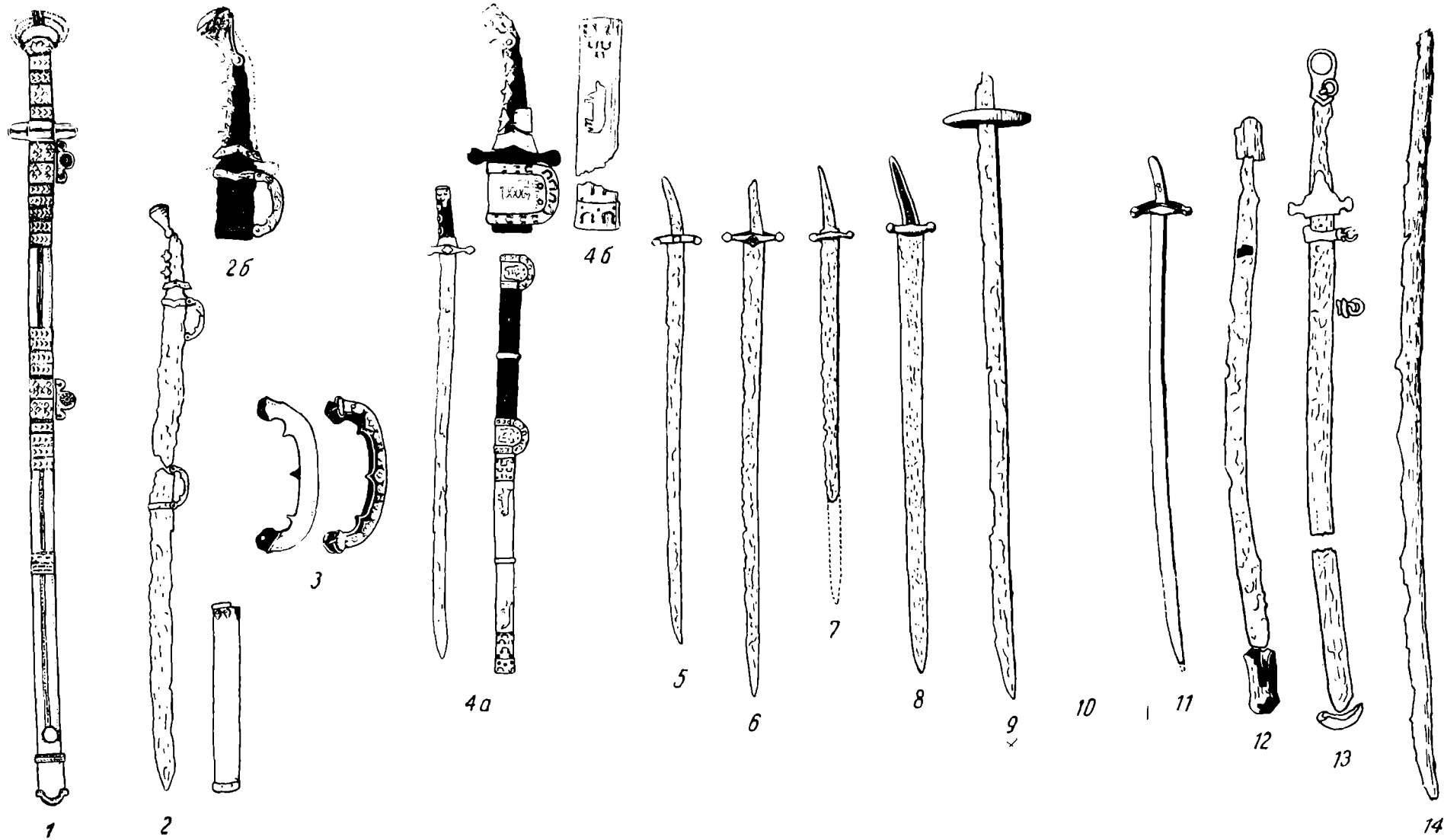
³ A. Zakharow und W. Arndt. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Archaeologia Hungarica, XVI, Будапешт, 1934.

⁴ В. А. Бабенко. Дневник раскопок 1911 г. Тр. XV АС, I, стр. 448—449.

МАК, VIII, М., 1900, стр. 93—94, рис. 90. На изданном П. С. Уваровой рисунке изображено только $\frac{2}{3}$ клинка сабли.

⁶ Кроме изображенной на табл. III, 11 сабли из Лядинского могильника, оттуда же происходят не менее пяти клинков; они плохой сохранности, но, за исключением одного, все принадлежат к интересующему нас типу — слабовыгнутые, однолезвийные. См.: Н. В. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губ. МАР, № 10, СПб., 1893, стр. 7, 22, 54. — A. Zakharow u. W. Arndt, ук. соч., стр. 55, №№ 16, 17, 18; упомянутый там же в примечании клинок по мнению Арндта относится к XIII в.

в Полтавской губернии, Лохвицком уезде, близ села Поставицк».¹

В 1899 г. в урочище Могильник в 5 верстах от с. Корулько Изюмского у. Харьковской губ. во время раскопок И. М. Бич-Лубенского была найдена «сабля железная, типа находимых в черкесских могилах, со следами дерева от ножен, и рукоять. У сабли длинное лезвие (1 м 4 см); она почти прямая».²

В 1888 г. в Поросье, близ с. Гадомки, в раскопанном И. А. Хойновским кургане были найдены «два прямых железных меча, крепко прожавленных и переломавшихся в нескольких местах; лезвия с одного края острые, а с другого тупые, нижняя же часть обоюдоострая; рукоятки искрошились; длина мечей без рукоятей около 80 см».³

Таких и еще более кратких описаний клинков, найденных в разных местах восточноевропейской равнины и не изданных графически, можно найти немало в различных каталогах музеев, выставок и частных коллекций. Если к этому добавить значительное количество перекрестий рукоятей, хранящихся в музеях (например в Киевском историческом музее) и только частично описанных,⁴ то получится довольно большая группа памятников, могущая стать предметом специального исследования.

Датировать клинки очень трудно, особенно, если они происходят из случайных находок или изданы вне комплекса вещей, совместно с ними найденных. Однако все же можно установить, что поздние клинки имеют большую кривизну и длину. Таковы несколько сабель из Поросья, принадлежащие поздним кочевникам (возможно половцам, примерно XI в.), некоторые из Лядинских сабель (табл. III, 11) и одна из Владимирских. Второй Владимирский клинок (табл. III, 9), напротив, совершенно прямой. Переиздавая его, А. А. Спицын, писал: «время этой сабли нам не известно».⁵

Клинки этого же рода, восходящие к типу хазарских сабель, но несколько более поздние — IX—XI вв., — чрезвычайно распространены в Венгрии, вследствие чего внимание венгерских археологов и привлекли южнорусские сабли (табл. IV). Действительно, часть венгерских сабель совершенно сходна с нашими, но на более поздних, по видимому конца X—XI вв., появляется дол, идущий вдоль тупого края клинка (табл. IV, 9—12). У некоторых из этих сабель (XI в.) имеется елмань (табл. IV, 9—12). Дол и елмань в ярко выраженном виде имеются на знаменитой венгерской «сабле Карла Великого» (табл. IV, 16).

В обширной литературе, посвященной этой сабле, высказано много иногда противоречивых мнений относительно ее даты и происхождения. Хампель датировал ее XI в.,⁶ Солтан Тот — второй половиной X в.,⁷

¹ Э. Ленц. Имп. Эрмитаж. Указатель отделения средних веков и эпохи возрождения, ч. I. Собрание оружия. СПб., 1908, стр. 305, № 7323.

² Каталог выставки XII АС. Отдел древностей, добытых из раскопок и случайных находок. Харьков, 1902, стр. 115, № 1179.

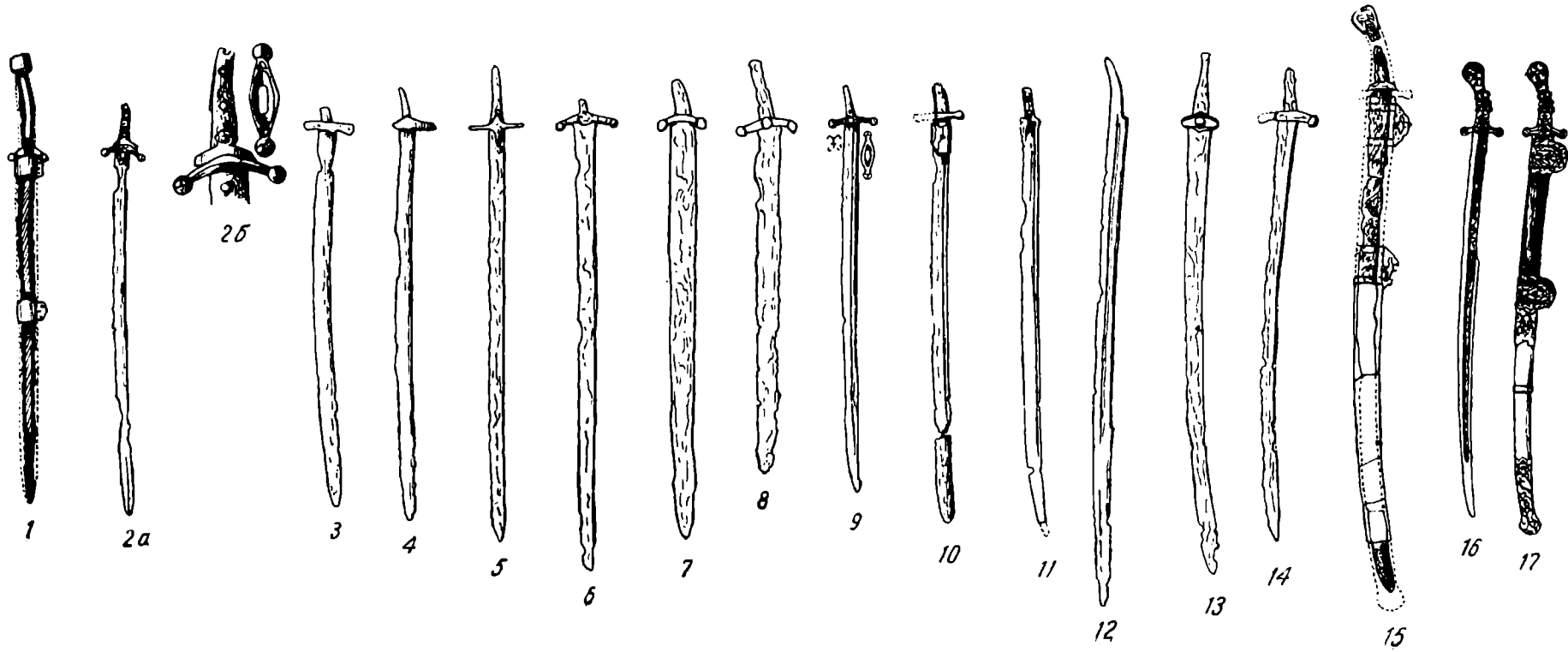
³ И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, стр. 102, № 601.

⁴ Напр. из с. Городище или Александрова Гора Владимирской губ., не в кургане (А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, рис. 71); из с.с. Загарье и Ильинское Пермской губ. (А. А. Спицын. Древности Камской Чуди. МАР, № 26, табл. XXIII, 24, XXVII, 15). — A. Z a k h a g o w u. W. A g e n d t, ук. соч., рис. 22, 3 на стр. 56); из Лядинского могильника (там же, рис. 22, 1 на стр. 56); с Девичьей Горы Киевского у. Киевской губ., 1901 (Фотоархив ЛОИИМК, нег. III-8276, три перекрестия, хранятся в Киевском историческом музее).

⁵ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15. СПб., 1905, стр. 126, рис. 392. Атлас к Тр. I АС. М., 1871, табл. XXX, 30.

⁶ J. H a m p e l. Der sogenannte Säbel Karls des Grossen. Zeitschrift für historische Waffenkunde, т. I, вып. 2, Дрезден—Берлин, 1897—1899, стр. 45—49.

⁷ Z. T ó t h, ук. соч., стр. 38.

а В. Арендт и Феттих — IX в. Наименее убедительны доводы последних авторов, опирающихся в своей датировке на орнаментацию сабли и делающих при этом много ошибок. Наиболее близок к истине, повидимому, Хампель, датировавший саблю XI в. За это говорит форма ее клинка. К «сабле Карла Великого» и некоторым другим венгерским саблям мы вернемся несколько позже, сейчас же снова перейдем к клинкам, найденным на территории Восточной Европы.

Среди клинков как прямых, так и слабо изогнутых, имеющих ширину 0,03 м, встречается небольшое количество клинков, ширина которых приближается к ширине меча при сохраненной легкой кривизне, однолезвийности и изгибе рукояти в сторону лезвия. Такой клинок найден в б. Вятской губ. (Мордвиновский могильник, табл. III, 8). Он совмещает в себе черты клинков западноевропейских мечей с чертами сабельных клинков. Такие же сабли-мечи известны и в Венгрии (табл. IV, 7, 8). К сожалению, дата Мордвиновской сабли-меча в настоящее время не может быть установлена, так как материалы по раскопкам Мордвиновского могильника не изданы. Венгерские же сабли-мечи, если судить по изогнутым книзу перекрестиям, могут быть датированы X—XI вв.

В настоящей работе мы совершенно не ставим себе целью рассмотрение причин, вызывавших изменения в формах сабли и появление своеобразного гибрида — сабли-меча, безусловно связанных с изменениями в форме боя, с переходом от пешего боя к конному, с изменением типов брони. Небольшое отступление, посвященное рассмотрению некоторых форм клинков, нам нужно для нашей основной цели — выяснение причин, вызвавших появление в XI в. такой своеобразной детали ножен, как глубокие наконечники.

До сих пор мы говорили об однолезвийных клинках, найденных в России, но не указали почти ни на один, который происходил бы из среднего Поднепровья. Были ли они в употреблении в Киевской Руси или их полностью заменил там франкский меч? Когда встает вопрос о саблях Поднепровья, то обычно вспоминают о сабле из Черной Могилы, как о чем-то случайном и инородном. Присутствие ее в Черной Могиле обычно объясняют просто постоянными сношениями со степью. В перечне сабель, найденных на территории России, В. Арендт даже не упоминает ее, может быть, по причине плохой сохранности не рискуя причислить ее к интересующему его типу «тюркских» сабель.² Форма ее, действительно, не прослеживается, так как она найдена в большом массиве, скипевшемся от огня, вместе с двумя мечами конца X—начала XI в. в кольчугой.³

Из Поднепровья Арендт упоминает только позднее, XI в., перекрестие, найденное без клинка на Княжей Горе.⁴ Отметим, кстати, что он почему-то не включил в свой перечень одну из сабель Гочевского могильника Курской губ., имеющую совершенно такое же литое узорное перекрестие (табл. III, 13).⁵ Б. А. Рыбаков в работе «Анты и Киевская Русь»,

¹ W. Arndt. Türkische Säbel aus VIII—IX. Jahrhunderten. Archaeologia Hungarica, XVI, Будапешт, 1934, стр. 65—66. — N. Fettich. Hunnen, Altungarn und Urbevölkerung. Finska forminnesföreningens Tidskrift, XLV, Хельсинки, 1945, стр. 188.

² W. Arndt, ук. соч., стр. 48—68.

³ Д. Я. Самоквасов. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1917, рис. 23.

⁴ W. Arndt, ук. соч., стр. 55, рис. 21. — Х а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. VI, 212 (перекрестие на таблице перевернуто).

⁵ Д. Я. Самоквасов. Атлас Гочевских древностей. М., 1915, табл. IX, 6—9.

помещая Гочевскую саблю рядом с реконструированной им по перекрестию Княжегорской саблей, выпрямил клинок Гочевской сабли, превратив ее в меч, а поэтому и Княжегорскую саблю изобразил в виде меча. Следуя за ошибкой Д. Я. Самоквасова, он перевернул перекрестие верхом вниз,¹ настолько необычайной казалась ему возможность существования сабель в Киевской Руси.

Вполне возможно, что в коллекциях музеев имеются еще неопубликованные клинки этого времени, происходящие из среднего Поднепровья; возможно, что вышеупомянутые два прямых однолезвийных клинка из б. Полтавской губ. относятся к этой же группе. В самом Киеве в конце XIX в. был найден «прямой обоюдоострый в нижней своей половине меч; длина 70 см, а средняя ширина 4.5 см; рукоять отломана». Также в Киеве, в старом городе, при планировочных работах были найдены «два кривых меча, т. е. сабли хазар или монголов, с прикипевшими отчасти ножнами; один имеет длину без рукояти 84 см, а другой 104 см».² Вторую находку нельзя с уверенностью отнести к интересующему нас типу клинков, но первая представляет значительный интерес.

Однако, бедный список среднеднепровских клинков не франкского происхождения может быть пополнен более надежным и интересным материалом.

Клинок Киевского меча 1939 г., на который надет интересующий нас наконечник, имеет легкое искривление (рис. 3, а, б). К сожалению, не известно, однолезвийный он или двулезвийный. Клинок не очищен и вследствие сильной коррозии установить это пока не удалось. Рукоять его также не сохранилась, поэтому мы не имеем и этого существенного для характеристики клинка признака. Считать Киевский клинок 1939 г. просто саблей, однако, нельзя. Клинок слишком широк для сабли — больше 0.05 м, в то время как у сабель он в среднем равен 0.03 м. Следовательно, киевский клинок при легком искривлении имеет ширину меча,

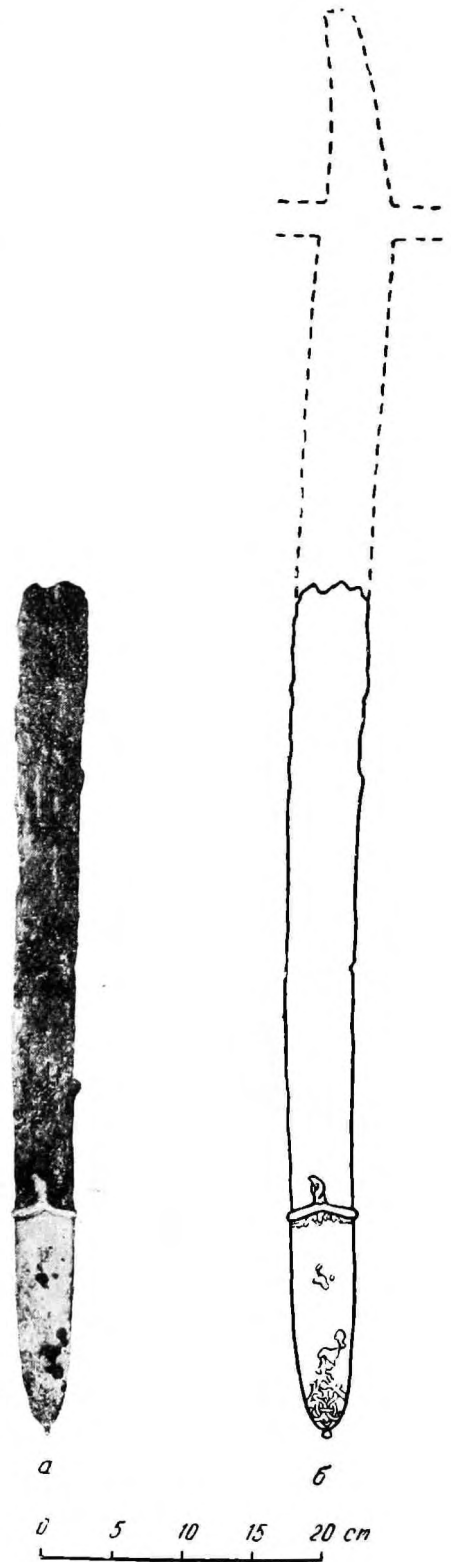

Рис. 3.

а — клинок из киевского погребения в Десятинной церкви в Киеве в 1939 г.;
б — он же, реконструкция.

¹ Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1, стр. 337, рис. 5. Перещепинская сабля на том же рисунке изображена также прямой.

² И. А. Хойновский. Краткие археологические сведения о предках славян и Руси. Киев, 1896, стр. 163, №№ 802 и 803.

т. е. он представляет собою саблю-меч. Приходится еще раз пожалеть, что рукоять его не сохранилась.¹

Прямым подтверждением всему сказанному о киевской сабле-мече 1939 г. является второй весьма своеобразный клинок, найденный всего в нескольких десятках метров от первого.

В 1892 г. во время земляных работ в Киеве на б. усадьбе Трубецкого, за которыми наблюдал киевский любитель-археолог И. А. Хойновский, был найден разбитый шиферный саркофаг. В саркофаге при лежавших в беспорядке костях был найден фрагмент зеленого мраморного нагрудного креста и согнутый меч длиной 0.92 м при ширине 0.042 м (рис. 4 и 5). Клинок его был однолезвийный и только низ на $\frac{1}{4}$ длины обоюдоострый. Рукоять изогнута в сторону лезвия. Был ли клинок его прямым или слегка искривленным, сказать трудно, так как меч согнут пополам; И. А. Хойновский утверждает, что он был прямым, но это нельзя считать окончательно установленным.² Следует также заметить, что на реконструкции меча, опубликованной И. А. Хойновским (рис. 4), совершенно не выдержаны пропорции клинка, т. е. ширина его по отношению к длине: клинок сделан слишком широким. Бросается в глаза желание передать в реконструкции типичные черты именно меча с его резко суживающимся острым концом. Изображение клинка в том виде, как он был найден (рис. 5), как раз не несет в себе ярко выраженных черт меча; клинок плавно суживается и заканчивается совсем не таким острым концом, как это изображено на реконструкции И. А. Хойновского.

Таким образом, в этом клинке мы имеем все признаки сабли-меча, если не просто сабли, хотя ширина его клинка — 0.042 м несколько велика для сабли, но узка для меча.³

Эта сабля-меч (будем называть ее условно так) имеет одну замечательную и своеобразную особенность. Вдоль всей тупой стороны клинок был орнаментирован тончайшим растительным узором, выполненным, сколько можно судить по описанию, в технике платировки: по медной полоске около 0.01 м ширины, покрытой накладным золотом, был нанесен резцом мелкий растительный орнамент «на обеих сторонах разнообразный».⁴ Ни мечей, ни сабель с платированными клинками в России больше не найдено.⁵ Эта редкая особенность Киевской сабли-меча 1892 г. заставила усумниться М. К. Каргера в правильности реконструкции (не только графической), данной И. А. Хойновским. «Думаем, — пишет М. К. Каргер, — что вследствие плохой сохранности меча, Хойновский неверно реконструировал меч на своем рисунке. Инкрустированная тупая сторона меча на самом деле была остатком ножен, к которым были прикреплены золотые пластинки. Точная реконструкция меча и ножен затруднена тем обстоятельством, что меч был, повидимому, ободран нашедшими его землекопами, что подозревает и сам Хойновский».⁶ Повидимому, все же М. К. Каргер не прав: правильность реконструкции И. А. Хойновского подтверждается тем, что существует еще

¹ На предлагаемой реконструкции длина Киевской сабли-меча доведена до 1.00 м — средней длины этого типа клинков (рис. 3, б).

² И. А. Хойновский. Раскопки великокняжеского двора древнего града Киева. Киев, 1893, стр. 36—40, табл. XX, рис. 85 и 86.

³ Б. А. Рыбаков называет ее «палашом». Название это, однако, позднее (XVII в.) и относится к несколько иным клинкам (Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. IV, М., 1946, стр. 41).

⁴ И. А. Хойновский, ук. соч., стр. 38—39.

⁵ Если только после очистки клинка Киевской сабли-меча 1939 г. на ней не будет найден платированный орнамент.

⁶ М. К. Каргер, ук. соч., стр. 19.

один клинок с орнаментом, выполненным платировкой; это «сабля Карла Великого», хранящаяся в Вене (рис. 6 и 7). Вдоль тупого конца, почти во всю длину клинка, идет орнаментальная полоса. На ней по золоту,

Рис. 4. Реконструкция И. А. Хойновского клинка, найденного в 1892 г. на б. усадьбе Трубецкого в Киеве.

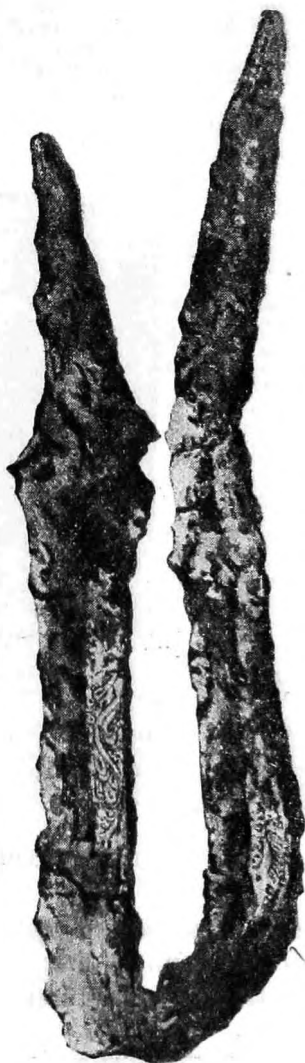

Рис. 5. Клинок, найденный в 1892 г. на б. усадьбе Трубецкого в Киеве.

Рис. 6. «Сабля Карла Великого».

на покрытом пунсонными колечками фоне, выгравированы вверху два сопоставленных животных типа гиппокампов; хвост нижнего превращается в извивающуюся лозу с листьями, выполненными в той манере,

которая хорошо известна по памятникам Венгрии и Среднего Поднепровья, в частности Киева и Чернигова.

В Венгрии этот орнамент лучше всего представлен в орнаментации ташек и рукоятей сабель (рис. 8), происходящих из богатых погребений второй половины X в.

В Среднем Поднепровье он известен по оправам трех Черниговских турьих рогов и киевскому Золоторотскому мечу, также второй половины X в. (рис. 9).

Это пышный растительный орнамент из переплетающихся стеблей и остролистных цветов или завитков, выполненный всегда умелой.

Рис. 7. Деталь «сабли Карла Великого» и ее ножен.

твердой рукой. Особый эффект орнаменту придает контраст между большими гладкими плоскостями листьев и шероховатостью фона. Неизменной деталью орнамента является украшающая гладкие листья точка с усиком.

Как ни плох рисунок Киевского клинка, опубликованный И. А. Хойновским, он все же достаточно ясно говорит о том, что орнамент его клинка по стилю был именно таким, как и на «сабле Карла Великого». На рисунке ясно видны и пучки листьев, украшенные точкой с усиком, помещенные между изгибами стебля, и штрихованные листья, и усыпанный колечками шероховатый фон (рис. 4). Клинок этот продолжает на русской почве определенное течение в художественной обработке металла, появившееся еще во второй половине X в. и тесно связанное с подобным же художественным течением в Венгрии. Как в Венгрии, так и в Киевской Руси, этот орнамент встречается только на исклю-

чительно богатых, иногда уникальных памятниках. В Киевской Руси он известен на памятниках, выполненных самыми разнообразными техническими приемами. На оправках Черниговских рогов он исполнен чеканом с чернью и просто одним чеканом; на рукоятке Золотоворотского меча — гравировкой; на рукояти Золотоворотского кинжала — резьбой по кости и, наконец, на клинке Киевской сабли-меча в новой для Киевской Руси технике — платировке.

Рис. 8. Золотые накладки ножен и сабли, найденной в Гестердь (Венгрия).

Так как клинок 1892 г. был найден в погребении явно христианском (саркофаг, крест), то ранее, чем в XI в., он не мог попасть в землю. Сопоставляя Киевский клинок 1892 г. с «саблей Карла Великого», датированной XI в., и учитывая, с другой стороны, чрезвычайную близость орнамента обоих клинков орнаментации памятников более ранних — второй половины X в., можно, как нам кажется, датировать киевскую саблю-меч XI в., первой его половиной.

«Сабля Карла Великого» представляет для нас особый интерес не только потому, что орнаментацией своего клинка она близка Киевской

сабле-мечу 1892 г. Она интересна также оформлением своей рукояти и особенно ножен (рис. 6 и 7 и табл. IV, 16).

И рукоять и ножны «сабли Карла Великого» полностью повторяют формы ножен и рукоятей более ранних хазарских сабель — Салтовской, Загребинской и северокавказских. Над перекрестьем с округлыми концами у них помещена накладка формы усеченного конуса, охватывающая рукоять. У большинства сабель как ранних (VIII—IX вв.), так и поздних (X—XI вв.) головка рукояти слегка утолщена и имеет вытянутую округлую форму. На головку обычно надет серебряный, богато орнаментированный колпачок. Самая рукоять также имеет ряд металличе-

ских накладок. Кроме «сабли Карла Великого», в Венгрии найдено еще две аналогичных ей сабли в богатых погребениях конца X в., но без орнаментации клинка. Одна из них имела серебряные рукоять и накладки на ножнах, другая — золотые (рис. 8). Орнамент рукоятей и ножен выполнен в стиле, о котором мы говорили выше.

Ножны «сабли Карла Великого», с двумя металлическими полукруглыми выступами для прикрепления ремней, больше чем наполовину покрыты орнаментированным металлическим листом. Обе эти черты — ручки, или выступы для ремней, и глубокие металлические наконечники — характернейшие черты хазарских сабельных ножен. Нам известно девять таких сабель, найденных на территории России, из них четыре происходят с Северного Кавказа, пятая из Салтовского могильника, шестая из б. Воронезской губ. (Воробьевка), седьмая из б. Вятской губернии (Загребино), восьмая из б. Скопинского у. Рязанской губ. и, на-

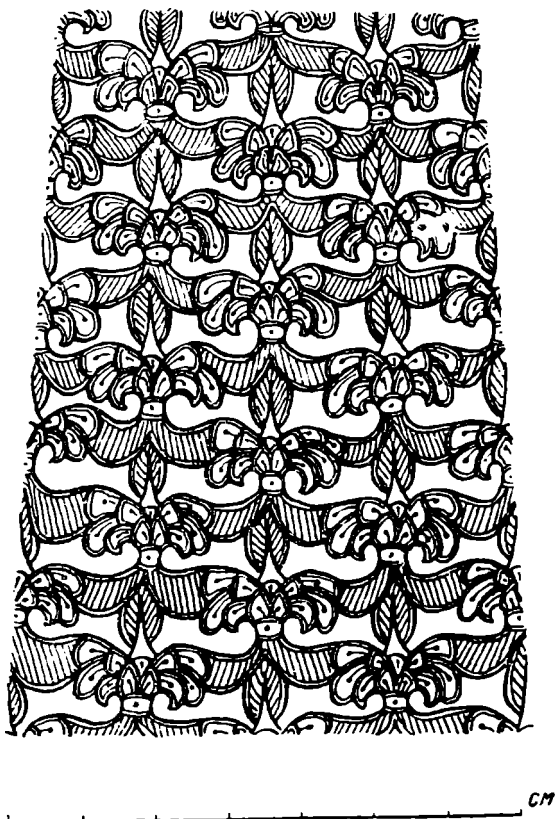

Рис. 9. Орнамент рукояти меча из погребения дружинника у Золотых Ворот в Киеве.

и, наконец, девятая из Перещепинского клада б. Полтавской губ.

У Перещепинской сабли ножны сплошь, до самой рукояти, покрыты металлическими накладками. У других сабель металлические наконечники короче: у Кубанской — 0.39 м, у Загребинской — 0.33 м, у Салтовской — 0.25 м.

Значение формы «хазарского» сабельного клинка в процессе создания древнерусских клинков XI в., о котором мы говорили выше, позволяет поставить вопрос и о роли формы ножен «хазарских» сабель в сложении формы ножен XI в. Длинный, глубокий наконечник на ножнах сабли необходим потому, что кривое режущее лезвие сабли разрезало край ножен. При вкладывании же в ножны меча основной удар приходился не на край, а на нижний конец ножен, который и защищался массивным литым, но коротким наконечником. Легкое искривление, появившееся у русских клинков в XI в., вызвало необходимость

в изменении и защитных металлических покровов ножен. Они стали глубже, чем у ножен мечей, но не достигали глубины сабельных ножен. Следовательно наконечники ножен русских клинков XI в. соединили в себе черты сабельных ножен и ножен мечей. Поэтому длинный, глубокий наконечник на ножнах Киевской сабли-меча может считаться потомком металлических покрытий ножен «хазарских» сабель.

Сама по себе форма «хазарских» ножен восходит к глубокой древности. Ножны скифских мечей зачастую имели сверху у рукояти округленный выступ. Таковы ножны мечей из курганов Келермесского, Мельгуновского, Солохи, Чертомлыка и Куль-оба.

Такие же ножны изображены на рельефе во дворце Ксеркса в Персеполье и на золотой пластинке из Амударьинского клада 1877 г. II в. до н. э.

Чрезвычайно разнообразны металлические детали ножен III—VIII вв., но они, как и все памятники этого периода, плохо датированы, не учтены и не изучены.

Из ряда пунктов юга России происходят детали ножен в виде P-образного выступа: случайная находка на Тамани (золото, гранаты; III в.);¹ Перещепинский клад (один золотой и один серебряный, с чернью, одинаковые по форме, размерам и орнаменту); из раскопок В. В. Хвойки в Поднепровье (серебряный с изображением лица, грубо выложенным зернью).² Борисовский могильник близ Новороссийска (медный, без орнамента, с петлей для ремня на тыльной стороне).³ Такие же P-образные детали ножен найдены в Венгрии⁴ и далее в Италии, в Лангобардском некрополе VI—VII вв. (Castel Trosino) на двух кинжалах;⁵ у одного из них на

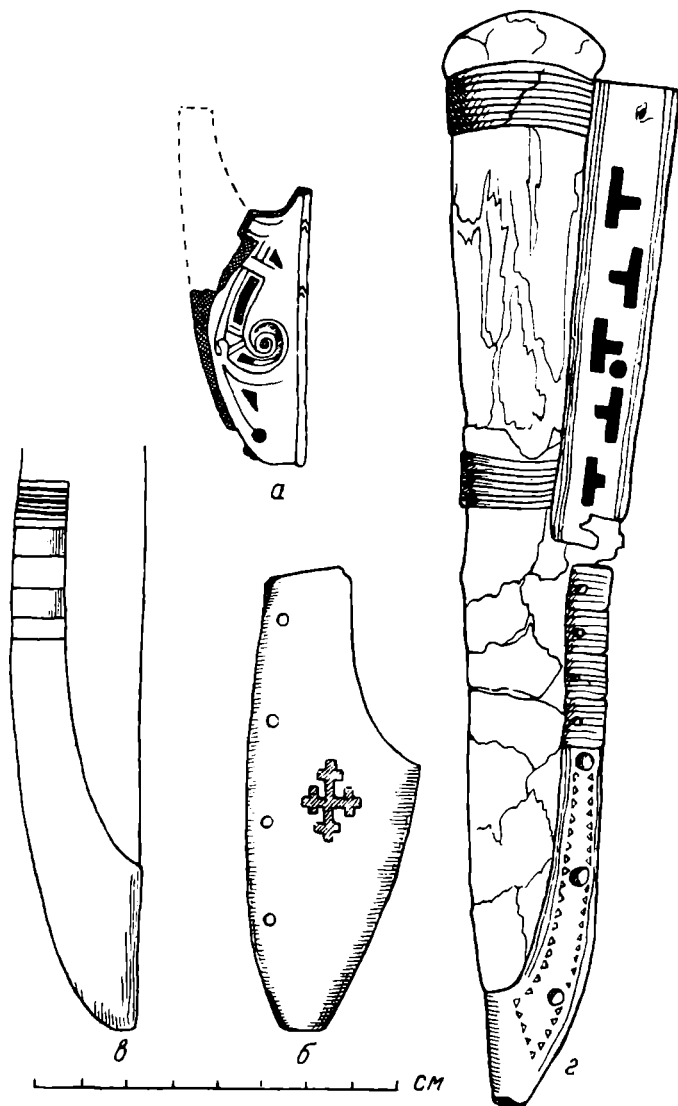

Рис. 10. Наконечники ножен больших ножей.

а — Люцинский могильник; б — Владимирские курганы; в — Шестовицкий могильник; г — б. Петербургская губ., д. Ряболово.

¹ M. Ebert. Ein Dolchscheidenfragment aus Südrussland. Opuscula archaeologica Oscar Montelio septuagenario dicata, 1913, стр. 278—279, рис. 1.

² Архив ЛОИИМК, дело Археологической Комиссии № 199 за 1896 г., л. 46.

³ В. В. Саханов. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, стр. 98—99, кург. № 62, табл. I, 11.

⁴ Pär Olsén. Die Saxe von Valsgårde. Упсала, 1945, рис. 40, 268, 269.

⁵ Pär Olsén, ук. соч., рис. 41 и 277. — M. Ebert, ук. соч., рис. 3.

Р-образном выступе грубое изображение человеческого лица, как и на найденном В. В. Хвойкой в Поднепровье.

Некоторые Р-образные выступы (повидимому, перевернутые верхом вниз) соединяются с широкой обоймой, охватывающей верхнюю часть ножен. Два таких, повидимому, совершенно одинаковых экземпляра, найдены на юге России: один в Керчи,¹ другой происходит из коллекции Алексеева, жившего в г. Днепропетровске.² Оба они сделаны из золота и украшены голубым стеклом. Дата их примерно IV—V вв. Вдобавление к накладке на верхнюю часть ножен у эрмитажного экземпляра имеется еще накладка на низ ножен в виде усеченного конуса также с Р-образным выступом. Низ этого наконечника сквозной, — нижнее отверстие ничем не закрыто. Этой своей чертой данный наконечник близок целой серии других наконечников, и глубоких и мелких, происходящих не только с юга России (Перещепино, Борисовский могильник,³ маленький золотой с зернью наконечник и глубокий золотой футляр из коллекций Алексеева),⁴ но и из других мест (Прикамье, глубокий футляр из трех частей; клад близ дер. Терехиной б. Томской губ.).⁵ На Алтае (близ д. Сростки на р. Катунь) найдена сабля в бронзовых позолоченных ножнах с двумя округлыми выступами. Датируется она широко VII—X вв.⁶ Из могильника Армази в Грузии происходят ножны кинжала или ножа с двумя округлыми выступами вверху и двумя внизу (погребение № 1, II в. н. э.).

Отмечу мимоходом, что ножны на сабле Збручского идола имеют ту же форму, а сама сабля имеет форму хазарских сабель (слабый изгиб клинка, перекрестие, рукоять).

Как видно по приведенным, далеко не полным примерам, форма таких ножен имела не только длительное существование во времени, но и широкое распространение в пространстве. На востоке она уходит в необъятные дали Алтая, на западе доходит до Италии.

Западноевропейские специалисты по оружию утверждают, что эта форма ножен необычна для Западной Европы, и справедливо считают ее занесенной с востока (Эберт, Ольсен). К северу от Альп существовали в VI—IX вв. либо сильно измененные варианты этой формы, либо совсем иные оковки ножен. Большая часть их сводится к асимметричному небольшому наконечнику внизу ножен; с одной стороны от него отходит узкая полоса, охватывающая сбоку узкую часть ножен и скрепляющая шов ножен, если они были из кожи. За эту узкую металлическую полосу, орнаментированную по разному, клинок подвешивался к поясу при помощи петель или колец. Большей частью эти наконечники пластинчатые. Такие оковки ножен делались для скрамасаксов, кинжалов и ножей. В виде футляров для ножей они долго живут и у нас в северных районах древней Руси, особенно на северо-западе (рис. 10, а, б, в), редко попадаясь в Поднепровье (рис. 10, г). Эта особая форма асимметричного наконечника древнее той, которая представлена на нашей таблице I. Асимметричные наконечники никогда не встречаются на ножнах мечей. Как в VII—IX вв. (на западе), так и в X—XII вв. (на западе и на востоке Европы) их помещали только на ножнах клинков меньшего размера — кинжалов или крупных ножей. Появление крупного дву-

¹ P ä r O l s é n, ук. соч., стр. 267; хранится в Кёльнском музее.

² Хранится в Государственном Эрмитаже.

³ В. В. Са х а н е в, ук. соч., кург. № 99, стр. 110—112, табл. IV—21.

⁴ Хранится в Государственном Эрмитаже.

⁵ ОАК за 1909 г., стр. 231; Архив ЛОИИМК, фонд 1, д. № 75, 1909 г.

⁶ A. Z a k h a r e w und W. A g e n d t, ук. соч., стр. 26—28, табл. VII.

лезвийного клинка — франкского меча, вызвало в XI в. новую форму наконечника ножен. Эта форма стала повсеместно господствующей в X и XI вв. Тем больший интерес имеет для нас наконечник Киевской сабли-меча 1939 г., который представляет собой своеобразную переработку формы мечевого наконечника в применении к новому типу клинка — мечу-сабле.

Заканчивая очерк, посвященный древнерусскому оружию XI в., следует сказать, что несмотря на то, что в нашем распоряжении было всего два экземпляра этого оружия, к тому же дошедшего до нас в плохо сохранившемся виде, значение его очень велико как для истории древнерусской культуры вообще, так и для древнерусского художественного ремесла в частности. До сих пор считалось, что из оружия в Киевской Руси производились только копья, боевые топоры, ножи и стрелы. Тяжелые же клинки — мечи — известны были только привозные, франкские. Проведенный анализ некоторых форм клинков привел нас к выводу, что безусловно уже в XI в. в Киевской Руси русские кузнецы ковали свое собственное оружие — крупные, тяжелые клинки. Эти клинки отличались рядом своеобразных особенностей. В них органически сочетались основные признаки и меча и сабли. При ширине, обычной для меча, клинок имел легкое искривление сабли. Как у сабли у них изогнута и рукоять, клинок же, на три четверти однолезвийный, внизу был обоюдоострый, как у меча. Это был своеобразный гибрид — сабля-меч, сложившийся в связи с постоянной борьбой со степью и с обороной границ от кочевников. В Киевской Руси был хорошо известен как тяжелый франкский меч, так и легкая сабля кочевников. В блестящую эпоху Ярослава было создано более совершенное оружие, сочетавшее в себе основные достоинства и мечей и сабель. Это было одновременно и рубящее и колющее оружие, оно было легче меча, но тяжелее сабли, оно годилось и для конного и для пешего боя.¹

Создание нового типа клинка вызвало изменение и в конструкции ножен. Русские златокузнецы удачно справились и с этой задачей. В металлических защитных покровах ножен сабли-меча, как и в клинке, сказались характерные особенности ножен как мечей, так и сабель. Чудесный серебряный наконечник Киевской сабли-меча дает представление о том, насколько это слияние было органическим. По форме он похож на массивные наконечники ножен меча, а по длине и ширине — на наконечники ножен сабли.

В заключение хочется указать на один текст Лаврентьевской летописи, упоминающей под 1087 г. о колющих саблях. Недалеко от Звенигорода, по видимому по поручению Всеволода Ярославича, был убит Владимирский князь Ярополк, «прободен бысть отъ проклятаго Нерадьця. . . Лежащую и ту на возе, саблею с коня прободё и...; и тогда вздвигнувся Ярополк, . . . выторгну из себе саблю. . .». Совершенно очевидно, что Нерадец был вооружен не кривой рубящей, а прямой или почти прямой саблей с обоюдоострым колющим концом, т. е. именно такой, которая интересовала нас в данном очерке.

¹ К интересующим нас проблемам близко подошел А. В. Арциховский в небольшой статье «Русское оружие X—XIII вв.» (Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып IV, М., 1946, стр. 17), ставшей нам известной уже после окончания данной работы.

№№	Место находки	Источники и литература
I 1	Швеция, Упланд	Т. J. Агне. Einige Schwert-Ortbänder aus der Wikingerzeit. Opuscula Archaeologica Oscari Montelio Septuagenario dicata. 1913, рис. 1.
I 2	Швеция, Упланд, Бьорко	Агне, ук. соч., рис. 18.
I 3	Швеция, Упланд, Бьорко	Агне, ук. соч., рис. 13.
I 4	Швеция, Гестрикланд, Хедезунда	Агне, ук. соч., рис. 14.
I 5	Готланд	Агне, ук. соч., рис. 15.
I 6	Эзель	В. N e r m a n. Die Verbindung zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Стокгольм, 1929, рис. 86.
I 7	Залющик, на р. Оять бл. Ладожского озера	Агне, ук. соч., рис. 16.
I 8	Старая Ладога, земляное городище, раскопки 1939 г.	Не издан; фотоархив ИИМК, колл. 1093.
I 9	Гнездово Смоленской губ.	В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, 28, СПб., 1902, табл. VIII, 5.
I 10	Гнездово Смоленской губ.	Агне, ук. соч., рис. 12.
I 11	Гнездово Смоленской губ.	А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 18.
I 12	Сарское городище Ярославской губ.	Агне, ук. соч., рис. 17.— А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 79.
I 13	Киевская губ.	Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V Киев, 1902, табл. XIV, 206.
I 14	Шестовицкий могильник близ Чернигова, раскопки 1946 г.	Я. В. Станкевич. Шестовицька археологічна експедиція 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. I. Киев, 1949, стр. 52, рис. 1.
II 15	Швеция, Ос, Емтланд	Агне, ук. соч., рис. 4.
II 16	Швеция, Упланд, Бьорко	Агне, ук. соч., рис. 11.
II 17	Швеция, Эланд	Агне, ук. соч., рис. 10.
II 18	Швеция, Готланд	Агне, ук. соч., рис. 7.
II 19	Приладожье, Заозерье, кург. № СХII-6	Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, 18, СПб., 1895, стр. 60, рис. 18.
II 20	Гнездово Смоленской губ.	Агне, ук. соч., рис. 8.— В. И. Сизов, ук. соч., табл. VIII, 6.
II 21	Городище в 5 в. от Мурома по дороге в с. Чаадаево на берегу Оки	А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, 25, СПб., 1901, стр. 52, табл. XXVIII, 9.
II 22	Даниловка бл. Камышина Саратовской губ.	Т. J. Агне. La Suède et l'Orient. Упсала, 1914, стр. 49—50, рис. 38.— Агне. Einige Schwert-Ortbänder. . . , рис. 2.
II 23	Билярск Казанской губ.	А. Tallgren. Skandinaviska järnåldersföremål i östra Ryssland. Suomen Museo, Finskt Museum, XVII. Гельсингфорс, 1910, стр. 64.— Агне. La Suède. . . , рис. 36.
II 24	Курган «Гульбище» бл. Чернигова	Д. Я. Самоквасов. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1917, рис. 50, № 3140.

№№	Место находки	Источники и литература
II 25	Шестовицкий могильник близ Чернигова	Т. J. A r n e. Skandinavische Holzkammergräber aus Wikingerzeit in der Ukraina. Acta Archeologica, т. II, вып. 3, Копенгаген, 1931, рис. 2.
II 26	Херсонес	A r n e. La Suède. , рис. 44.
III 27	Швеция	A r n e. Einige Schwert-Ortbänder. рис. 22.
III 28	Готланд	A r n e, ук. соч., рис. 20.
III 29	Готланд	A r n e, ук. соч., рис. 21.
IV 30	Готланд	A r n e, ук. соч., рис. 26.
IV 31	Готланд	A r n e, ук. соч., рис. 28; он же. La Suède. , рис. 294.
IV 32	Эзель	N e r m a n, ук. соч., рис. 94
IV 33	Путель бл. м. Трейден, Латвия	A r n e. Einige Schwert-Ortbänder. ., рис. 27; он же. La Suède. ., рис. 370. — R. H a u s m a n n. Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen. Arbeiten des ersten baltischen Historikertages zu Riga, 1908, Рига, 1909, стр. 25.
IV 34	Ливония	A s p e l i n. Antiquités du Nord finno-ougrien, т. V, стр. 371, № 2005. Гельсингфорс, 1884.
IV 35	Краснянск Харьков- ской губ.	A r n e. Einige Schwert-Ortbänder. рис. 25.
V 36	Мемель	
V 37	Мемель	
V 38	Восточная Пруссия, Линкунен	P. P a u l s e n. Wikingerfunde aus Ungarn. Arch. Hung., XII. Будапешт, 1933, табл. XIII, 4.
V 39	Подхорце бл. Злочова, Польша	G. L e ŋ c z y k. Trzy miecze wikińskie w zbiorach Muzeum archeologii przedhistorycznej Polskiej Akademji Umiejętności w Krakowie, Księga Pamiątkowa, Познань, 1930, рис. 76.
V 40	Люцинский могильник Витебской губ.	Люцинский могильник. МАР, 14, СПб., 1893, табл. XIV, 3, текст стр. 10, Приложения.
V 41	Билярск Казанской губ.	G. F é h e r. Les monuments de la culture proto-bulgare. Arch. Hung, т. VII, Будапешт, 1931, рис. 35.
V 42	Киевская губ.	X а н е н к о. Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1902, табл. XIV, 206.
V 43	Киевская губ. и у.	Не издан; хранится в Киевском историческом музее, инв. № 67190—6163 при мече без рукояти № 67191—6430. Получен от Археологической комиссии в 1894 г.
V 44	Венгрия, Буштерек	P a u l s e n, ук. соч., табл. XII, стр. 40.
V 45	Венгрия, Секешфехервар	P a u l s e n, ук. соч., табл. XIII, 3. — J. H a m p e l. Ujabb tanulmányok a honfoglalási kor emlékeiről. Будапешт, 1907, стр. 83.
V 46	Болгария, Мадара	G. F é h e r, ук. соч., рис. 33. — P a u l s e n, ук. соч., табл. XIII, 2.
V 47	Болгария, Филиппополь	G. F é h e r, ук. соч., рис. 36.
V 48	Херсонес	Не издан; архив ИИМК, фонд Археологической комиссии, д. № 12, 1903 г.
VI 49	Швеция, Вестергэтланд	A r n e. Einige Schwert-Ortbänder. рис. 37.
VI 50	Готланд	A r n e, ук. соч., рис. 29.
VI 51	Пассельн, Латвия	A r n e, ук. соч., рис. 33.
VI 52	Киевская губ.	X а н е н к о, ук. соч., табл. XIV, 206.
VI 53	Киевская губ.	X а н е н к о, ук. соч., табл. XIV, 206.
VII 54	Путель бл. м. Трейден, Латвия	A r n e, ук. соч., рис. 34.

№№	Место находки	Источники и литература
VII 55	Пассельн, Латвия	Агпе, ук. соч., рис. 35.
VII 56	Пассельн, Латвия	Агпе, ук. соч., рис. 37.
VII 57	Пассельн, Латвия	Агпе, ук. соч., рис. 36.
VII 58	Польша	Z. Podkowińska. Szłowiek Przedhistoryczny na ziemiach Polskich. Краков. 1947, рис. XIX, 3.
VII 59	Подольская губ. и у.	Не издан: хранится в Государственном Эрмитаже № 908/2 Виз., колл. № 1018..
VIII 60	Готланд	Агпе, ук. соч., рис. 31.
VIII 61	Эстония, Ганценхоф	Негтап, ук. соч., рис. 96,
VIII 62	Киевская губ., южная часть	А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губ. в 1912 г. ИАК, вып. 54, СПб., 1914, рис. 25.

Приложение к табл. II

№№	Место находки	Источники и литература
1а } 1б }	Кобань, Северный Кавказ	П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, стр. 93—94, рис. 90. — А. Zakharow und W. Arendt. Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Arch. Hung., XVI, Будапешт, стр. 49—50, № 3, табл. VI, 2; реконструирована по рисунку Уваровой и Арендта.
2	Северный Кавказ	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. III, 2, стр. 48, № 1.
3	Новороссийский могильник	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. III, 5, стр. 55—56, № 20.
4	Д. Алхасте (ст. Фельд-маршальская)	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. V, 1 и рис. 16, стр. 28—29, 54, № 13.
5	Кавказ, колл. Уваровой	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, рис. 22, 2, стр. 58, № 23.
6	Кавказ, колл. Уваровой	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 2, стр. 52—53, № 7.
7	Руча, Кавказ	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 3, стр. 53, № 8.
8	Происхождение не известно	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 4, стр. 53, № 11.
9	Кобань, Северный Кавказ	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 5, стр. 54—55, № 14а.
10	Кобань, Северный Кавказ	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 6, стр. 54—55, № 14б.
11	Кобань, Северный Кавказ	Zakharow u. Arendt, ук. соч., табл. VI, 11, стр. 54—55, № 14в.
12	Терская область	B. Pósta. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Будапешт—Лейпциг, 1905, рис. 149.
13	Терская область	Pósta, ук. соч., рис. 149.
14	Терская область	Pósta, ук. соч., рис. 149.

Приложение к табл. III

№№	Место находки	Источники и литература
1 2a) 2б)	Перещепинский клад Верхнее Салтово, катакомба № 1	Реконструкция автора. В. А. Б а б е н к о. Памятники ха рьской куль- туры на юге России. Дневник раскопок 1911г. Тр. XV, АС, М., 1914, стр. 448—449. — A. Z a k h a r o w u. W. A g e n d t. Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Ge- schichte der Altungarn im IX. Jh. Arch. Hung., XVI, Будапешт, 1934, табл. II, III, 1, рис. 1—2, 6—9, стр. 50—51, № 4. — N. F e t t i c h. Zur Archaeologie der ungarischen Landnahmezeit. Archaeologia Ertesitö, т. XLV, 1931, рис. 43.
3	Воронежская губ., окрестности Богуча- рова на Дону, бл. Воробьевки	Z a k h a r o w u. A g e n d t, ук. соч., табл. IV, 12—14, стр. 48—49, № 2. — В. Р ó s t a. Archaeologische Studien auf russi- schem Boden. Будапешт—Лейпциг, 1905, рис. 129.
4	Загребино, Котельнич- ский у. Вятской губ., сабля № 1	ОАК за 1891 г., стр. 103—110. Р ó s t a, ук. соч., стр. 75 сл., рис. 41—44. — Z a k h a r o w u. A g e n d t, ук. соч., табл. III, 3, стр. 51—52. № 5. — Э. Л е н ц. Эрмитаж. Указатель Отделения средних веков и эпохи возрождения, ч. I. Собрание оружия. СПб., 1908, стр. 303, табл. XXI.
5	Загребино, Котельнич- ский у. Вятской губ., сабля № 2	Л е н ц, ук. соч., табл. XXXI. Z a k h a r o w u. A g e n d t, ук. соч., стр. 52, № 6.
6	Ильинское Пермской губ. и у. (на р. Обве)	А. А. С п и ц ы н. Древности Камской Чуди. МАР, 26, СПб., 1902, табл. XXVII, 11, стр. 34. — Z a k h a r o w u. A g e n d t, ук. соч., стр. 58—59, № 24.
7	Загарье Купросской вол. на р. Иньве Перм- ской губ.	С п и ц ы н, ук. соч., табл. XXVII, 5, стр. 34. — Z a k h a r o w u. A g e n d t, ук. соч., стр. 59, № 26.
8	Мордвиновский могиль- ник Вятской губ.	Р ó s t a, ук. соч., рис. 52.
9	Владимирская губ.	Атлас к Трудам I АС, М., 1871, табл. XXX, 30. — А. А. С п и ц ы н. Владимирские кур- ганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, рис. 392, стр. 126. — Р ó s t a, ук. соч., рис. 49.
10	Танкеевка бл. Спасска Казанской губ.	ОАК за 1904 г., стр. 135. — Z a k h a r o w u. A g e n d t, ук. соч., стр. 59, № 25.
11	Лядинский могильник Тамбовской губ.	Н. В. Я с т р е б о в. Лядинский и Томников- ский могильники Тамбовской губ. МАР, 10, СПб., 1893, стр. 54, рис. 21 и прило- жение № 12. — Z a k h a r o w u. A g e n d t, ук. соч., стр. 55, № 19.
12	Гочевский могильник Курской губ., курган № 2	Д. Я. С а м о к в а с о в. Атлас Гочевских древ- ностей. М., 1915, табл. XI, рис. 1—3.
13	Гочевский могильник Курской губ., кур- ган № 1	С а м о к в а с о в, ук. соч., табл. IX, рис. 6—9.
14	Владимирская губ., с. Городище, курган № 3039	Атлас к Трудам I АС, М., 1871, табл. XXX, 31.

№№	Место находки	Источники и литература
1	Немешочаер	В. P ó s t a. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Будапешт—Лейпциг, рис. 46.
2	Эстергом	J. H a m p e l. Ujabb tanulmányok a honfoglalasi kor emlékeiről. Будапешт, 1907, стр. 13.
3	Демечер Абауж медье	H a m p e l, ук. соч., стр. 9, рис. 2.
4	Демечер Абауж медье	H a m p e l, ук. соч., стр. 9, рис. 1.
5	Чюниж	P ó s t a, ук. соч., рис. 51.
6	Гомбаш	P ó s t a, ук. соч., рис. 12, 20.
7	Бодрогвеч	Z. T ó t h. Attila's Schwert. Studie über die Herkunft des sog. Säbels Karls des Grossen in Wien. Будапешт, 1930, рис. 29.
8	Секешфехервар	T ó t h, ук. соч., рис. 26.
9	Поста-чак-Берег	H a m p e l, ук. соч., стр. 23.
10	Адьярд	H a m p e l, ук. соч., стр. 1.
11	Бихар	H a m p e l, ук. соч., стр. 8.
12	Берегса	H a m p e l, ук. соч., стр. 2.
13	Касса, Баранга	P ó s t a, ук. соч., рис. 47.
14	Тарчаль	N. F e t t i c h. Die Metallkunst der landnehmenden Ungarn. Arch. Hung., т. XXI, Будапешт, 1937, табл. XLI, 2. — T ó t h, ук. соч. — H a m p e l. Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, т. I. Брауншвейг, 1905, № 2128—31.
15	Гестередь	F e t t i c h, ук. соч., табл. LXVIII. — L. K i s s. Neuere Funde im Josa Museum von Nyizegyháza aus der Zeit der Völkerwanderung. Arch. Ért., т. XLII, Будапешт, 1928, табл. VIII, 2—5.
16	Венская сабля (так называемая «сабля Карла Великого»)	P ó s t a, ук. соч., рис. 45. — F e t t i c h, ук. соч., табл. LXXVII — LXXVIII. — N. F e t t i c h. Zur Archaeologie der ungarischen Landnahmezeit. Arch. Ért., т. XLV, Будапешт, 1931, рис. 41, 42. — Z a k h a r o w und A r e n d t. Studia Levedica. Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. Jh. Arch. Hung., XVI, Будапешт, 1934, стр. 57, № 22, прим. 23.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
70	8 снизу	1902 г.	1909 г.
72	27—26 »	наконечниками.	наконечником.
89	1 сверху	XI в.	IX в.
152	6 снизу	стр. 930	стр. 93
207	1 »	Е. В. Гаруд.	В. Е. Гарутт.
234	15 сверху	Парменноном	Парменионом